

ТОМАС ХАРРИС

Вершина творчества
величайшего
из мастеров жанра

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

Томас Харрис
Молчание ягнят
Серия «Ганнибал Лектер», книга 2
Серия «Томас Харрис. От
автора «Молчания ягнят»»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125704
Молчание ягнят / Томас Харрис ; [пер. с англ. И. Бессмертной, И.
Данилова]: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58500-7*

Аннотация

ВТОРОЙ РОМАН О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ

Один из самых культовых триллеров XX века. Его сенсационная экранизация с Энтони Хопкинсом и Джоди Фостер получила пять премий «Оскар».

Мы все безумцы – или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума?

Доктор Ганнибал Лектер – блестящий психиатр, но мир может считать себя в безопасности только до тех пор, пока он будет находиться за стальной дверью одиночной камеры в тюрьме строгого режима. Доктор Лектер – убийца. Он – гурман-людоед.

Клэрис Стерлинг – курсант академии ФБР. Она восприимчива к чужой беде, и именно это определяет все ее поступки.

Судьба заставляет героев действовать совместно в деле о поимке Буффало Билла – опаснейшего маньяка-убийцы...

«Настоящий учебник по искусству создания напряженного сюжета, абсолютный шедевр, который плавно стремится к своей кульминации... Харрис, наверное, лучший на сегодняшний день автор, работающий в этом жанре».

The Washington Post

«Последние два десятилетия 19 века в детективном жанре властвовал Конан Дойл со своим Шерлоком Холмсом. Век спустя тех же высот в жанре достиг Томас Харрис».

Guardian

«Гипнотическая фигура доктора Ганнибала Лектера – культового антигероя современной литературы – встает со страниц романа в полный рост».

Publishers Weekly

Содержание

1	6
2	17
3	27
4	45
5	51
6	54
7	63
8	68
9	89
10	98
11	108
12	120
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Томас Харрис

Молчание ягнят

Thomas Harris

THE SILENCE OF THE LAMBS

Copyright © 1988, by Yazoo Fabrications Inc

© Бессмертная И., Данилов И., перевод на русский язык,
2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2012

* * *

1

Отдел психологии поведения ФБР занимается расследованием серийных убийств и находится в самом нижнем – полуподземном – этаже Академии ФБР в Квонтико¹. Когда Клэрис Старлинг, раскрасневшись от быстрой ходьбы, вошла в приемную, там не было ни души. Клэрис взглянула на свое отражение в дверном стекле. В волосах запутались травинки, на форменной куртке курсанта академии – зеленые пятна травяного сока: на стрельбище отрабатывали бросок на землю под огнем при захвате бандитской группы.

Она слегка взбила волосы и отряхнулась. Не было нужды наряжаться, чтобы хорошо выглядеть, – она прекрасно это знала. Руки пропахли порохом, но мыть их было некогда: в повестке, подписанной начальником отдела Крофордом, стояло: «Немедленно».

В заваленных бумагами комнатах отдела Крофорд был один. Он стоял у чьего-то стола, разговаривая по телефону, и Клэрис впервые за весь год смогла разглядеть его как следует. То, что она увидела, ее сильно встревожило.

Обычно Крофорд выглядел подтянутым и спортивным, он был похож на инженера средних лет, в свое время преодолевшего тяготы учебы в колледже успешной игрой в бейсбол:

¹ В Квонтико (шт. Мэриленд) находится база морской пехоты; на территории базы расположена Академия ФБР.

ловкий кетчер, стойкий и яростный, когда надо преградить путь противнику. Теперь он сильно сдал: тощая шея торчала из оказавшегося слишком широким воротника сорочки, под покрасневшими глазами набухли темные мешки. Всем, кто хоть изредка держал в руках газету, было ясно: отделу психологии поведения чертовски не везет. Клэрис Старлинг очень не хотелось думать, что Крофорд пьет: в этой конторе такое и представить себе было невозможно.

Крофорд закончил разговор резким «нет!» и раскрыл папку с ее документами, которую все это время держал под мышкой.

– Старлинг, Клэрис Эм, – сказал он. – Доброе утро.

– Здравствуйте, – ответила Клэрис.

Улыбка ее была вежливой, не более того.

– В общем-то, ничего особенного не произошло. Надеюсь, срочный вызов не очень вас перепугал?

– Нет.

«Вот и неправда», – подумала Старлинг.

– Ваш инструктор говорит, что вы прекрасно работаете, в первой пятерке в классе.

– Хотелось бы надеяться. Разве вам докладывают о таких вещах?

– Я сам спрашиваю о вас время от времени.

Старлинг была поражена: она уже было решила про себя, что Крофорд просто паршивый вербовщик, равнодушный и двуличный, как все они. Она впервые встретила Крофорда,

когда он приезжал читать лекции в Университет штата Виргиния. Его блестящие лекции и семинары по криминологии сыграли не последнюю роль в ее решении поступить в Академию ФБР. Пройдя конкурс, Клэрис написала ему коротенькую записку, но так и не получила ответа, и все эти три месяца, что она проучилась в Квонтико, он совсем не обращал на нее внимания.

Старлинг была не из тех, кто просит об одолжении или навязывается в друзья, но то, как повел себя Крофорд, смутило ее и огорчило. Теперь, снова встретившись с ним, она с сожалением отметила, что он нравится ей по-прежнему.

Однако что-то у него было не в порядке. Крофорда отличала, помимо мощного интеллекта и образованности, какая-то особая одаренность во всем – Клэрис заметила это сначала по обостренному чувству цвета и фактуры ткани, что явно сказывалось на его одежде, ничем другим, впрочем, не выделявшейся из принятого в ФБР стиля. Сейчас он был по-прежнему опрятен, но все на нем обвисло, словно он таял.

– Тут одна работка подвернулась, и я подумал о вас, – сказал он. – Не настоящая работа, скорее интересное поручение. Сбросьте-ка бумаги Берри вон с того стула и садитесь. Вы пишете в своем заявлении, что хотели бы работать в нашем отделе, когда окончите курс обучения.

– Да.

– Вы изучали криминологию и судебную медицину, но у вас нет опыта оперативной работы. Нам нужен по меньшей

мере шестилетний стаж практической работы.

– Мой отец был начальником полицейского участка. Я эту жизнь знаю.

Крофорд едва заметно улыбнулся:

– Ну, я бы сказал, что вы действительно знаете основы психологии и криминологии, ведь вы специализировались – и блестяще – именно по этим предметам; за вас и практика в психиатрической больнице. Сколько времени вы там поработали?

– Два лета.

– А ваша адвокатская лицензия – она все еще действительна?

– Еще два года. Я получила ее до того, как вы приехали в наш университет, чтобы вести семинары. До того, как я решила пойти сюда.

– Окончив, вы как раз попали в полосу безработицы, правда?

Старлинг кивнула в ответ:

– Впрочем, мне повезло: я вовремя сообразила пройти конкурс на должность младшего научного сотрудника, и меня оставили в университетской лаборатории – заниматься судебной медициной. А потом открылась вакансия в вашей академии.

– Вы ведь мне написали, что приняты в академию, верно? И я, кажется, не ответил? Не ответил, я помню. А надо было.

– Ну, у вас ведь были и более важные дела.

– Вы слышали о ППОТП?

– Это Программа профилактики особо тяжких преступлений. Я читала об этом в «Бюллетене правоохранительных органов». Там писали, что вы работаете над базой данных, но программа еще не введена в действие.

Крофорд кивнул.

– Мы составили опросник. Включили всех известных в наше время преступников, совершавших серийные убийства. – Он протянул ей толстую пачку листков в хлипкой бумажной обложке. – Тут есть раздел для следователей, и для жертв – если кто-то выжил – тоже. Голубые листки – для убийцы, если таковой пожелает ответить, а на розовых – те вопросы, которые должен задавать убийце ведущий опрос, отмечая не только его ответы, но и реакцию. Куча писанины.

Писанина. Клэрис Старлинг почувствовала, как просыпается в ней карьеризм и, словно охотничий пес, принохивается и делает стойку. Сейчас ей предложат работу, может быть, сплошное занудство вроде введения необработанных данных в новую компьютерную систему. Конечно, соблазнительно сразу попасть в отдел психологии поведения на любую должность. Но Клэрис прекрасно знала, что происходит, если женщина начинает с секретарской работы: ярлычок «секретарша» пристанет – его не отлепить до конца дней своих. Сейчас придется выбирать. Нужно сделать правильный выбор.

Крофорд молча ждал. Кажется, он задал ей какой-то во-

прос. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить.

– Какие тесты вам приходилось проводить? Миннесотский многопрофильный или Роршах?

– Да, обычно ММП, тест Роршаха не приходилось, – ответила она. – Еще проводила ТАТ, а детям давала Гештальт-тест Бендер².

– Вы как, не из пугливых?

– Вроде нет.

– Понимаете, мы попытались опросить и обследовать всех осужденных за серийные убийства – таких тридцать два случая, – чтобы создать базу данных для психологического профилирования нераскрытых убийств. Многие – большинство – согласились отвечать на вопросы, я думаю, в значительной мере из желания покрасоваться – они просто не могут без этого. Двадцать семь согласились вполне охотно, четверо – со смертными приговорами и подавшие апелляции – отказались наотрез, что вполне понятно. Но с одним – а именно он и нужен нам более всего – у нас полный провал. Я хочу, чтобы за него взялись вы. Завтра нужно поехать к нему в психбольницу.

² Перечислены личностные тесты, используемые в психологическом обследовании. ММП – Миннесотский многопрофильный опросник, после специальной обработки ответов на вопросы которого психолог дает заключение по профилю личности. ТАТ – тематический апперцепционный тест – представляет собой двадцать карточек с изображениями, по которым испытуемый должен составить рассказ. Гештальт-тест Бендер состоит из девяти простых фигур, которые должен скопировать обследуемый.

Сердце Клэрис Старлинг подпрыгнуло от радости, а потом чуть было не ушло в пятки.

– Кто этот человек?

– Психиатр, доктор Ганнибал Лектер, – ответил Крофорд. Последовало молчание. Оно всегда наступало, если это имя упоминалось в мало-мальски цивилизованном обществе.

Не в силах пошевелиться, Старлинг не сводила с Крофорда глаз.

– Ганнибал-Каннибал? – наконец произнесла она.

– Да.

– Ну что ж... Ладно. Хорошо. Я рада, что... такая возможность... Только я хочу вам сказать... Интересно, почему именно я?

– Главным образом потому, что вы оказались под рукой, – ответил Крофорд. – Не думаю, что он согласится пойти нам навстречу. Он уже отказался, правда, не прямо, а через директора больницы. Но мне необходимо заявить, что квалифицированный специалист побывал у него и просил его лично ответить на наши вопросы. Причины? Вас они не должны интересовать. В отделе сейчас нет никого, кому я мог бы поручить это дело.

– Я знаю, у вас тут дел нераскрытых... Буффало Билл...³

³ **Буффало Билл** – прозвище Уильяма Фредерика Коди (1846–1917), американского охотника, данное ему за то, что за один день он убил и освежевал рекордное число бизонов (буффало). Был армейским разведчиком. Впоследствии занялся шоу-бизнесом, разъезжая по всей стране и показывая представления о

да еще эти убийства в Неваде, – сказала Старлинг.

– Точно. Старая история – недостает свежих трупов.

– Вы сказали – завтра. Торопитесь? Это имеет какое-нибудь отношение к расследуемому делу?

– Нет. Хотелось бы, чтоб имело.

– А если он упрется? Мне все равно представить вам психологическое обоснование?

– Да нет. Я уже по горло завален такими обоснованиями по поводу доктора Лектера, к которому абсолютно невозможно найти подход, и все они совершенно не похожи друг на друга. – Крофорд вытряхнул на ладонь две таблетки витамина С и приготовил себе стакан «алка-зельцер»⁴ – запить. – Смешно, знаете ли: Лектер – психиатр и сам пишет статьи в психиатрические журналы – статьи потрясающие! – но никогда ни словом не обмолвится о собственных отклонениях от нормы. Он как-то сделал вид, что согласен на проведение некоторых тестов, – их предложил директор больницы, Чилтон. Лектер согласился посидеть с манжеткой для измерения кровяного давления, надетой на пенис, пока ему показывали всякие картины – про крушения и гибель людей. А потом Лектер первым опубликовал то, что сам узнал о Чилтоне, выставив директора на посмешище. Он ведет серьезную переписку со студентами и учеными, отвечая на их вопросы, касающиеся областей психиатрии, не связанных с его

Диком Западе.

⁴ «Алка-зельцер» – средство против изжоги, тошноты и т. п.

собственным случаем, и это все. Если он откажется разговаривать с вами, напишете обычную докладную. Мне нужно знать, как он выглядит, как выглядит его камера, чем он занят. Хочу почувствовать тамошнюю атмосферу, так сказать. Посмотрите, какую прессу ему приносят. Я имею в виду не обычные газеты и журналы, а бульварную макулатуру. Они обожают Лектера даже больше, чем принца Эндрю⁵.

– Кажется, какой-то грязный журналчик предложил ему пятьдесят тысяч долларов за кулинарные рецепты? – спросила Старлинг. – Я помню что-то в этом роде.

Крофорд кивнул:

– Я почти уверен, что «Нэшнл тэтлер»⁶ купил кого-то в больнице, и как только я договорюсь о вашем посещении, им сразу станет об этом известно.

Крофорд наклонился над столом так, что его лицо оказалось всего футах в двух от ее собственного, и пристально смотрел на нее сквозь полуплинзы очков.

– Теперь слушайте меня очень внимательно, Старлинг. Готовы?

– Да, сэр.

– Будьте очень осторожны с Ганнибалом Лектером. Доктор Чилтон, директор психиатрической больницы, объяснит

⁵ **Принц Эндрю** – младший брат принца Чарльза, наследника английского престола; в то время частый герой скандальных происшествий.

⁶ **«Нэшнл тэтлер»** – «Национальный сплетник»; пародия на название желтой американской газеты «Нэшнл инкуайер».

вам их правила обращения с пациентом. Не отклоняйтесь от них. Не отклоняйтесь от них ни на йоту, как бы вам этого ни хотелось. Если Лектер и станет с вами разговаривать, он пойдет на это лишь ради того, чтобы разузнать о вас. Это та самая любознательность, с которой змея разглядывает птичье гнездо. Вы не хуже меня знаете, что при опросе приходится не только идти вперед, но и отступать, и повторяться, а иногда и отвечать на вопросы самому. Не говорите ему ничего существенного о себе, никаких подробностей. Не нужно, чтобы в его памяти остались факты вашей личной жизни. Вы ведь знаете, что он сделал с Уиллом Грэмом.

– Я читала об этом. Тогда же, когда это произошло.

– Он вспорол Уиллу живот ножом для резки линолеума, когда Уилл нагнал его и попытался схватить. Поразительно, что Уилл вообще остался в живых. Помните Красного Дракона? Лектер натравил Фрэнсиса Долархайда на Уилла и его семью. Знаете, какое у Уилла теперь лицо? Будто его этот чертов Пикассо рисовал. И все из-за Лектера. В больнице Лектер изуродовал медсестру. Делайте свое дело спокойно, только не забывайте ни на минуту, кто перед вами.

– А что он такое? Вы-то знаете?

– Я знаю одно: он – чудовище. Больше о нем никто ничего не может сказать наверняка. Может быть, вам удастся выяснить. Выбрав вас, я ведь не kota в мешке покупал, Старлинг. Вы задали мне парочку неглупых вопросов, когда я преподавал в вашем университете. Я покажу докладную за вашей

подписью директору, если она будет достаточно ясной, сжатой и четко организованной. Я так решил. И не забудьте: докладная должна быть на моем столе в девять ноль-ноль в воскресенье. Все, Старлинг. Действуйте.

Крофорд улыбнулся ей одними губами. Глаза его были совершенно мертвы.

2

Доктор Фредерик Чилтон, пятидесятидвухлетний директор Спецбольницы штата Мэриленд для невменяемых преступников, сидит за широким длинным столом, на котором нет ни одного тяжелого или острого предмета. Одни сотрудники больницы иногда называют этот стол крепостным рвом, другие и представления не имеют, что такое крепостной ров. Когда Клэрис Старлинг появилась в кабинете, доктор Чилтон и не подумал приподняться из-за стола.

– У нас тут побывало множество агентов ФБР, но я что-то не припомню ни одного столь же привлекательного, – произнес он, удобно развалившись в кресле.

Старлинг сразу поняла, отчего блестит протянутая ей ладонь – Чилтон только что приглаживал смазанные бриолином волосы, – и постаралась поскорее высвободить свои пальцы из его руки.

– Вы ведь мисс Стерлинг?

– Старлинг, доктор, «а» в середине. Спасибо, что согласились уделить мне время.

– Не знал, не знал, что ФБР принялось за хорошеньких девушек, как и за все остальное, впрочем, ха-ха!

Он показал в улыбке прокуренные зубы. Это была специально отработанная улыбка: предполагалось, что она подчеркнет значимость сказанного.

– Бюро стремится улучшить свою работу, доктор Чилтон. Оно совершенствуется.

– Вы пробудете в Балтиморе несколько дней? Здесь можно хорошо провести время, нисколько не хуже, чем в Нью-Йорке или Вашингтоне. Если знать город, разумеется.

Клэрис отвела глаза, чтобы не видеть его улыбки, и сразу же ощутила, что он отметил это, почувствовав ее отвращение.

– Я совершенно уверена, что Балтимор – замечательный город, но у меня строгие инструкции: я должна повидать доктора Лектера и сегодня же доложить о результатах лично.

– А не могу ли я позвонить вам в Вашингтон как-нибудь потом, чтобы не терять связи?

– Разумеется, доктор. Как любезно, что вы подумали об этом. Этой программой руководит спецагент Джек Крофорд, вы всегда можете связаться со мной через него.

– Ясно, – сказал Чилтон. Его бледное лицо пошло красными пятнами, отчего невероятного цвета рыже-коричневые волосы его показались Клэрис еще более отвратительными. – Ваше удостоверение, будьте добры.

Он не предложил ей сесть, она так и стояла перед ним, пока он лениво просматривал ее служебное удостоверение. Затем вернул его и поднялся из-за стола.

– Все это не займет у вас много времени. Идемте.

Старлинг сказала:

– Я так поняла, что вы меня сначала проинструктируете,

доктор Чилтон.

– Я могу сделать это на ходу. – Он обогнул стол и взглянул на часы. – Мне некогда, у меня через полчаса обед.

Черт возьми, как ты не разобрала сразу, что это за тип? Может, он вовсе не такое уж ничтожество, может, он все-таки хоть что-нибудь знает, что-нибудь полезное. Что, от тебя убудет, если ты пококетничаешь чуть-чуть, хоть тебе это и не так уж хорошо удается?

– Доктор Чилтон, вы сами назначили мне именно этот час, так вам было удобнее, и обещали уделить мне некоторое время. Из беседы с доктором Лектером я, возможно, узнаю нечто такое, о чем мне нужно будет посоветоваться с вами, обсудить некоторые из его ответов.

– Вряд ли, вряд ли, я очень в этом сомневаюсь. О, совсем забыл, мне нужно позвонить по телефону. Вы пока идите, а я догоню вас в приемной.

– Можно, я оставлю здесь пальто и зонтик?

– В приемной. Отдайте Элану, он их уберет куда-нибудь.

Элан был облачен в нечто пижамоподобное – такая одежда выдавалась пациентам больницы. Он протирал пепельницы полой рубахи. Забирая из рук Клэрис пальто, он надул щеки и поцокал языком.

– Спасибо, – сказала она.

– Всегда пожалуйста, – ответил Элан. – А ты часто какаешь?

– Что вы сказали?

– Какие они у тебя выходят? Дли-и-ин-ные?

– Дайте-ка я повешу все это где-нибудь сама.

– Тебе же ничего там не мешает, между ногами, – ты можешь вот так наклониться и посмотреть, как они у тебя вылезают и меняют ли цвет от воздуха. Ты что, никогда так не делаешь? Правда, похоже, вроде у тебя вырос длинный коричневый хвост, а?

Элан вцепился в пальто и не хотел отпускать.

– Доктор Чилтон велел вам явиться к нему в кабинет, немедленно, – сказала Старлинг.

– Ничего подобного, – произнес у нее за спиной доктор Чилтон. – Повесь пальто в шкаф, Элан, и не вынимай его оттуда в наше отсутствие. Я кому сказал! У меня была секретарь-машинистка, работала в приемной полный рабочий день. Но сокращение бюджета... Пришлось мне ее лишиться. Теперь та девушка, что привела вас ко мне, приходит печатать на три часа в день, а потом вот – Элан. Куда подевались все секретари-машинистки, а, мисс Старлинг? – Чилтон сверкнул в ее сторону очками. – Вы вооружены?

– Нет, я не вооружена.

– Можно мне заглянуть в вашу сумочку? И в чемоданчик тоже.

– Но вы видели мои документы.

– В них говорится, что вы всего лишь курсант. Ну-ка, разрешите, я проверю ваши вещи.

Клэрис Старлинг вздрогнула, когда за ее спиной сомкну-

лись тяжелые стальные двери и щелкнул вставший на место засов. Чилтон шагал чуть впереди по крашенному в зеленый цвет больничному коридору, пропитанному запахом лизола. Было слышно, как где-то в отдалении тоже захлопываются двери. Старлинг сердилась на себя за то, что позволила Чилтону сунуть нос в свою сумку и в атташе-кейс, но подавила гнев: нужно было сосредоточиться. Все шло нормально. Умение владеть собой не подвело ее и на этот раз: оно было ей надежной опорой, словно прочное каменистое дно под быстрыми водами реки.

– С Лектером масса хлопот, – проговорил через плечо Чилтон, – каждый день дежурному приходится убить не меньше пятнадцати минут только на то, чтобы вскрывать бандероли, которые он получает. Мы попробовали было аннулировать подписку или хотя бы сократить количество изданий, которые он получает, но он написал жалобу, и суд вынес решение в его пользу. А письма, которые он получал! Их количество было просто невероятным. Слава богу, поток уменьшился: в газетах теперь пишут о других, не менее интересных созданиях. Какое-то время казалось, что каждый студентка в Америке, работающий над дипломом по психиатрии, хочет получить совет у Лектера и сослаться на него в дипломной работе. Медицинские журналы все еще публикуют его статьи, но это исключительно из аномального интереса к имени автора.

– Он написал интересную статью о пристрастиях к хи-

ругическим вмешательствам в журнале «Клиническая психиатрия». Во всяком случае, мне так показалось, – сказала Старлинг.

– Ах вот как? Мы сами пытались здесь его изучать. Мы думали: вот прекрасная возможность сделать вклад в науку, ведь это редкая удача – заполучить такого живьем.

– Какого – такого?

– Он же чистейший социопат, это ясно с первого взгляда. Но абсолютно непроницаем, слишком умудрен и опытен для стандартных тестов. И господи, как же он нас ненавидит! Он считает, что я послан ему как некий мститель... А Крофорд это здорово придумал – послать к Лектеру вас.

– Что вы хотите этим сказать, доктор Чилтон?

– Вы молодая женщина, можете его завести с полоборота – так, кажется, это у вас называется? По-моему, Лектер не видел женщины уже несколько лет. Правда, он мог заметить какую-нибудь из уборщиц. Мы, как правило, женщин сюда не пускаем. В местах заключения от них только лишние неприятности.

«А пошел бы ты, Чилтон...»

– Я с отличием окончила Университет штата Виргиния, доктор. Вряд ли он похож на институт благородных девиц.

– Тогда вы, по-видимому, способны усвоить кое-какие элементарные правила: не протягивайте ничего за решетку; не касайтесь решетки; не давайте ему ничего, кроме мягкой бумаги. Никаких карандашей, никаких ручек. У него имеют-

ся собственные фломастеры. На бумагах, что вы ему передаете, не должно быть ни скрепок, ни проволочных скобок, ни булавок. Все предметы передаются и поступают от него через выдвижной поднос-кормушку. Никаких исключений и отступлений от правил. Не берите у него ничего, если он попытается протянуть вам что-нибудь через решетку. Вы поняли меня?

– Я поняла вас.

Они миновали еще две двери; коридор теперь освещался лампами дневного света. Общие палаты остались позади: пациенты этого отделения не могли находиться вместе, здесь не было окон, лампы в потолке забраны толстой сеткой, словно в машинном отделении корабля. Доктор Чилтон задержался под одной из них. Когда смолк звук шагов, до слуха Старлинг донесся натужный хрип – чей-то голос сорвался на крике.

– Лектера никогда не выпускают из камеры без смирительной рубашки и намордника, – сказал Чилтон. – Я хочу показать вам, почему это необходимо. Он вел себя совершенно безупречно в первый год заключения, готов был всячески сотрудничать с нами. Меры безопасности по отношению к нему были несколько ослаблены; как вы понимаете, это было еще при прежнем директоре. Восьмого июля тысяча девятьсот семьдесят шестого года, во второй половине дня, он пожаловался на боль в груди, и его отвели в диспансер. Смирительную рубашку немного распустили – что-

бы легче было снять кардиограмму. Когда сестра наклонилась над ним, он сделал с ней вот это... – Чилтон протянул Клэрис потрепанную фотографию. – Врачам удалось спасти ей зрение – только один глаз. Все это время датчики не были отсоединены – кардиограмма снималась. Он сломал ей челюсть, добираясь до языка. И пульс его оставался нормальным, не выше восьмидесяти пяти, даже когда он ее язык проглотил.

Старлинг не знала, что страшнее: эта фотография или быстрый взгляд похотливых глазок Чилтона, суетливо метавшихся по ее лицу. Ей показалось – давно не поенный, жадный кочет торопливо склевывает слезы с ее щек.

– Я держу его здесь, – произнес Чилтон и нажал кнопку у массивных двойных дверей из бронированного стекла. Огромный дежурный впустил их в спецблок.

Старлинг приняла трудное решение и задержалась в дверях.

– Доктор Чилтон, – сказала она, – нам совершенно необходимо получить результаты этого теста. Если доктор Лектер считает вас своим врагом, если у него такая навязчивая идея – как вы сами только что сказали, – может быть, нам больше повезет, если я подойду к нему одна, как вы думаете?

У Чилтона дернулась щека.

– Ну что ж, прекрасно. Могли бы предложить это еще в моем кабинете, я не стал бы тратить зря время и отправил бы с вами дежурного.

– Я могла бы предложить вам это в кабинете, если бы вы проинструктировали меня именно там.

– Не думаю, что мы с вами еще увидимся, мисс Старлинг... Барни, когда она закончит с Лектером, позвоните, пусть кто-нибудь проводит ее обратно.

Чилтон ушел, так больше и не взглянув на нее. И она осталась наедине с огромным бесстрастным дежурным, бесшумными часами за его спиной и закрытым сетчатой дверью шкафом с газовыми баллончиками, смирительными рубашками, намордниками и пистолетом-транквилизатором. На крюке, вбитом в стену, висело что-то вроде длинной трубы с рогаткой в виде буквы «U» на конце – прижимать к стене буйных.

Дежурный смотрел на нее.

– Доктор Чилтон предупредил вас, чтоб не прикасались к решетке?

Голос у него был высокий и хриплый.

– Да, предупредил.

– Тогда ладно. Пройдете все камеры, его – последняя справа. Будете идти по коридору, держитесь середки и ни на что не обращайтесь внимания. Вот, отнесите ему почту, чтоб было с чего начать. А может, у вас рука легкая... – Кажется, дежурный находит все это весьма забавным. – Просто положите письма и газеты на поднос, он сам откатится в камеру. А назад из камеры просто потяните его за шнур, или Лектер сам толкнет его обратно. Вы не бойтесь, до вас он дотянуть-

ся не сможет: снаружи поднос останавливается далеко от решетки.

Дежурный дал ей два пухлых журнала – их ничем не скрепленные страницы вываливались из обложек, – три газеты и несколько вскрытых писем.

Коридор тянулся вперед метров на двадцать пять – тридцать, камеры шли по обеим его сторонам. Стены некоторых были обиты войлоком, в дверях – смотровые окна, узкие и длинные, словно бойницы. Были и обычные тюремные камеры, отделенные от коридора прочной решеткой, заменяющей переднюю стену. Клэрис Старлинг краем глаза замечала темные фигуры заключенных в камеры людей, но старалась не смотреть в их сторону. Она прошла почти половину пути, когда мужской голос просипел ей вслед:

– Ты чего тут развонялась? От тебя п...дой несет!

Она и виду не подала, что слышит, шла вперед не оборачиваясь.

В последней камере горел свет. Клэрис пошла ближе к левой стороне коридора, чтобы иметь возможность заглянуть в камеру издали, понимая, что стук каблуков заранее возвещает о ее приближении.

3

Камера доктора Лектера расположена на значительном расстоянии от остальных; напротив нее – один только шкаф, да и в других отношениях она совершенно уникальна. Передняя стена, как и в других камерах, – решетка из мощных прутьев, но внутри, за этой решеткой, на таком расстоянии, чтобы человек не мог дотянуться, еще одна преграда – толстая нейлоновая сеть, от стены до стены и от пола до потолка. За этой сетью Старлинг разглядела привинченный к полу стол, заваленный бумагами и книгами в мягких обложках, и стул с прямой спинкой, тоже прочно закрепленный на месте.

Сам доктор Ганнибал Лектер полулежал на койке, с головой уйдя в изучение итальянского издания журнала «Вог». Он держал нескрепленные страницы журнала в правой руке, а левой откладывал прочитанные в сторону. У доктора Лектера на левой руке было шесть пальцев.

Клэрис Старлинг остановилась на некотором расстоянии от решетки, точно посередине небольшого холла.

– Доктор Лектер.

Голос вроде бы звучит нормально.

Он поднял голову, оторвавшись от журнала. На какое-то головокружительное мгновение ей показалось: от его пристального взгляда исходит странное жужжание. Но это от волнения шумело у нее в ушах.

– Я Клэрис Старлинг. Могу ли я поговорить с вами?

Ее тон, поза, расстояние, на котором она остановилась, – все было воплощенная учтивость.

Доктор Лектер размышлял, прижав палец к плотно сжатым губам. Затем не торопясь поднялся на ноги и легко прошел вперед по клетке, встав у самой сети, но не замечая ее, будто это он сам, по своей воле, выбрал расстояние, на котором следовало остановиться.

Он был невысок ростом, пластичен; в его руках, в движении плеч чувствовалась гибкая сила.

«Как у меня самой».

– Доброе утро, – произнес он, словно только что отворил ей дверь собственных апартаментов.

В хорошо поставленном голосе – чуть слышный скрежет, будто скрежет ржавого металла, – возможно, результат долгого молчания. Глаза доктора Лектера карие, с красноватым оттенком, почти вишневого цвета, и, когда отражают свет, в них загораются красные огоньки. Создается впечатление, что эти огоньки искрами слетаются к зрачкам.

Казалось, эти глаза вбирают в себя Старлинг целиком.

Она подошла чуть ближе к решетке и почувствовала, как по коже побежали мурашки.

– Доктор, у нас возникли проблемы с психологическим профилированием. Я пришла просить у вас помощи.

– «Мы» – это отдел психологии поведения в Квонтико. Значит, вы из команды Джека Кроффорда.

– Да.

– Могу я посмотреть ваши документы?

Клэрис этого совершенно не ожидала.

– Я уже показывала свое удостоверение... В кабинете...

– Вы имеете в виду Фредерика Чилтона, доктора наук?

– Да.

– А вы попросили его предъявить вам документы? Уверю вас, в его документах об образовании вы вряд ли найдете обширный материал для чтения. А с Эланом вы познакомились? Очаровательное существо. Не правда ли? С кем из них вы предпочли бы побеседовать?

– Пожалуй, с Эланом.

– Вы вполне можете оказаться репортером, подосланным ко мне Чилтоном. Я просто обязан посмотреть ваши документы.

– Хорошо.

Она подняла запаянное в пластик служебное удостоверение.

– Мне отсюда не видно. Перешлите его через кормушку, будьте добры.

– Не могу.

– Потому что он твердый.

– Да.

– Позовите Барни.

Дежурный подошел, постоял, подумал.

– Доктор Лектер, я разрешу передать вам удостоверение.

Но если вы его не вернете, как только я попрошу вас это сделать, если придется всех вокруг беспокоить, чтобы получить его обратно, я буду ужасно огорчен. А если вы меня огорчите, вас свяжут и вы будете лежать так до тех пор, пока у меня не улучшится настроение. Кормление через трубку, подгузники и резиновые штаны – их меняют два раза в день, в общем, обычная процедура. И почту вашу задержу на целую неделю. Ясно?

– Разумеется, Барни.

Пропуск поехал внутрь камеры, и Лектер поднес его к свету.

– Курсант? Здесь сказано – курсант. Джек Крофорд посылает курсанта интервьюировать меня?

Он постучал пластиковым краем удостоверения по мелким белоснежным зубам, потом медленно вдохнул его запах.

– Доктор Лектер, – напомнил Барни.

– Разумеется, Барни. – Он положил удостоверение на поднос, и Барни вытащил карточку наружу.

– Да, я сейчас прохожу курс обучения в Академии ФБР, – сказала Старлинг. – Но мы ведь обсуждаем не ФБР, мы говорим о психологии. Разве вы сами не сможете судить, разбираюсь я в предмете или нет, во время нашей беседы?

– Ммм, – произнес доктор Лектер. – В самом деле... Вы удачно вывернулись... Барни, вам не кажется, что следовало бы предложить стул офицеру Старлинг?

– Доктор Чилтон ничего не говорил про стул.

– Где же ваши хорошие манеры, Барни?

– Принести вам стул? – спросил ее Барни. – Только ведь он никогда... ну, обычно тут никто надолго не задерживается.

– Спасибо. Если можно.

Барни достал складной стул из запертого шкафа, того, что прямо напротив камеры, поставил его перед ней и ушел.

– Ну-с, – произнес Лектер, усаживаясь у стола боком, чтобы быть лицом к ней, – так что же вам сказал Миггз?

– Кто?

– Многократник Миггз, в камере немного дальше по коридору. Он ведь вас обругал. Что он сказал?

– Он сказал: «От тебя п...дой несет».

– Понятно. Но этого запаха я не чувствую. Вы пользуетесь кремом для лица «Эвиан» и иногда духами «L'Air du Temps»⁷. Но сегодня вы специально не надушились. Ну и как вы относитесь к тому, что сказал Миггз?

– Он настроен враждебно, но причины его враждебности мне неизвестны. Это ужасно. Он враждебен к людям, люди враждебны к нему. Замкнутый круг. Петля.

– А вы враждебны к нему?

– Мне жаль, что он ненормален. А помимо этого, он мало что значит. Как вы узнали про духи?

– Пахнуло из вашей сумочки, когда вы доставали пропуск. Прелестная сумочка.

– Спасибо.

⁷ «Дух времени» (фр.).

– Вы взяли сюда самую лучшую, верно?

– Да.

Так оно и было. Она долго копила деньги, чтобы купить по-настоящему красивую и удобную сумку, и это была самая лучшая из всех ее вещей.

– Она гораздо лучше смотрится, чем ваши туфли.

– Может быть, со временем они ее догонят.

– Не сомневаюсь.

– Эти рисунки на стенах – вы сами их рисовали, доктор Лектер?

– Вы полагаете, я приглашал сюда декоратора?

– Тот, что над раковиной, – это какой-то европейский город, правда?

– Это Флоренция, вон там – палаццо Веккьо и Дуомо – вид с форта Бельведер.

– И все это вы рисовали по памяти?

– Память, офицер Старлинг, – это единственное, что заменяет мне вид из окна.

– А там, я вижу, распятие? Но средний крест пуст.

– Это Голгофа, после снятия с креста. Карандаш и фломастер «Мэджик маркер», на оберточной бумаге. Это на самом деле то, что получил разбойник, которому был обещан рай, когда убрали пасхального агнца.

– Что же именно?

– Ему переломали ноги так же, как и его сотоварищу, который издевался над Христом. А вы что, никогда не читали

Евангелия от Иоанна? Тогда посмотрите на картины Дуччо⁸: он пишет очень точные распятия. Кстати, как поживает Уилл Грэм? Как он выглядит?

– Я не знаю Уилла Грэма.

– Вы знаете, кто он. Протеже Джека Крофорда. Он работал до вас. Как его лицо?

– Я никогда с ним не встречалась.

– Попробуем подытожить былые достижения. Как, офицер Старлинг, нет возражений?

Помолчав секунду, она очертя голову бросилась в атаку:

– Лучше попробуем достичь новых итогов. Я принесла вам...

– О нет, нет... Это глупо и неправильно. Никогда не пытайтесь ответить остротой на остроту. Послушайте, попытка понять остроту и ответить на нее в том же духе заставляет собеседника совершить в уме поспешный и не относящийся к предмету беседы поиск, резко нарушающий настрой. Ведь успех беседы зависит от настроения, от той атмосферы, в которой она протекает. Вы начали прекрасно, вы были учтивы сами и правильно воспринимали ответную учтивость, вы добились ответного доверия, сказав правду, какой бы неловкой она ни была, о том, что вам крикнул Миггз, а затем ни с того ни с сего грубо перешли к опроснику, неостроумно сострив мне в ответ. Так у вас ничего не выйдет.

⁸ **Дуччо ди Буонинсенья** (1255–1319) – итальянский живописец, основатель сиенской школы живописи XIV в.

– Доктор Лектер, вы опытный психиатр-клиницист. Неужели вы могли подумать, что я настолько тупа, что попытаюсь надуть вас, подыгрывая вашему настроению? Поверьте, это не так. Я всего лишь прошу вас взглянуть на опросник. Вам решать – отвечать на эти вопросы или нет. Но что плохого может случиться, если вы хотя бы взглянете на него?

– Офицер Старлинг, вам приходилось в последнее время читать публикации отдела психологии поведения?

– Да.

– Мне тоже. ФБР – вот идиоты! – отказывается посылать мне «Бюллетень правоохранительных органов», но я все равно получаю его от букинистов. Кроме того, Джон Джей присылает мне «Новости» и психиатрические журналы. Они делят людей, совершающих серийные убийства, на две группы: одних числят по разряду организованных, другие у них дезорганизованные. Что вы сами по этому поводу думаете?

– Ну, это... самая основа различий, очевидно, они считают...

– Упрощенчество это, хотели вы сказать, иного слова тут не подберешь. На самом деле психология, как наука в целом, пока еще пребывает во младенчестве, а в вашем отделе психологии поведения она на уровне френологии⁹. Отправляйтесь на любой из факультетов психологии любого из универ-

⁹ **Френология** – учение о локализации отдельных психических способностей в различных участках мозга, якобы различаемых путем непосредственного ощупывания внешнего рельефа человеческого черепа.

ситетов и взгляните на студентов и преподавателей: никакого профессионализма, сплошные энтузиасты-любители и прочие не обладающие собственной индивидуальностью профаны. Далекое не лучшие университетские умы. Организованные и дезорганизованные – вот уж поистине «самая основа различий», плодотворнее ничего придумать не могли.

– А как бы вы изменили эту классификацию?

– И не подумал бы менять.

– Кстати, о публикациях: я прочла ваши статьи о пристрастиях к хирургическим вмешательствам и о левосторонней и правосторонней лицевой симптоматике.

– Да? Первоклассные статьи, – сказал доктор Лектер.

– Я тоже так считаю. И Джек Крофорд говорил мне о них то же самое. Это одна из причин, почему Крофорд так стремится заручиться вашим...

– Крофорд Стоик стремится заручиться? Он, должно быть, занят по горло, если вынужден обращаться за помощью к курсантам академии.

– Он действительно занят и хочет...

– Занят делом Буффало Билла?

– Думаю, да.

– Да нет же, офицер Старлинг. Не «думаю, да». Вы совершенно точно знаете: он занят именно Буффало Биллом. Я подумал, что Джек Крофорд вполне мог послать вас ко мне расспросить об этом деле.

– Нет.

– Значит, вы не пытаетесь исподволь подобраться к этой теме?

– Нет, я пришла потому, что нам очень нужна ваша...

– А что вам известно о Буффало Билле?

– Не очень много. Об этом все вообще знают очень мало.

– Только то, что было в газетах?

– Думаю, да. Доктор Лектер, у меня не было доступа к секретным материалам по этому делу. Я всего лишь...

– Сколько женщин на счету у Буффало Билла?

– Полиция обнаружила пятерых.

– И со всех он содрал кожу?

– Да, с верхней части тела.

– Я ничего не нашел в газетах по поводу этого его имени.

Вам известно, почему его называют Буффало Биллом?

– Да.

– Расскажите.

– Расскажу, если вы согласитесь взглянуть на опросник.

– Только взглянуть. Так почему же?

– Это началось с дурной шутки в отделе по расследованию убийств в Канзас-Сити.

– Ну?..

– Его прозвали Буффало Биллом, потому что он не только убивал, но еще и... свеживал... туши.

Клэрис Старлинг вдруг обнаружила, что выглядит в собственных глазах уже не перепуганной девчонкой, а неумной и пошловатой особой. И первый облик казался ей теперь

меньшим из двух зол.

– Перешлите мне опросник.

Старлинг положила голубые странички на поднос и отправила его в камеру. Молча ждала, пока Лектер бегло просматривал листки, потом небрежно бросил их обратно.

– О, офицер Старлинг, неужели вы полагаете, что меня можно с легкостью вскрыть столь жалким, тупым инструментом?

– Вообще нет. Я полагаю, что вы могли бы поделиться с нами своими идеями и, как человек проницательный и знающий, помочь в этом исследовании.

– И что, по-вашему, могло бы подвигнуть меня на это?

– Любопытство.

– По поводу чего?

– По поводу того, почему вы здесь. По поводу того, что с вами случилось.

– Со мной ничего не случилось. Случился я. Вы не можете свести меня всего лишь к некоторому комплексу воздействий. Вы променяли понятия добра и зла на бихевиористику¹⁰. Ради психологии, офицер Старлинг, вы с точки зрения морали обрядили всех и каждого в резиновые штаны с подгузниками. Ведь никто ни в чем не виноват. Взгляните на меня, офицер Старлинг. Можете вы мне в лицо заявить, что я – зло? Я – зло, офицер Старлинг?

– Я думаю, что вы – разрушитель. Эти два понятия для

¹⁰ **Бихевиористика** – наука о человеческом поведении.

меня равнозначны.

– Зло всего лишь разрушительно? Тогда бури – зло, если все так просто, и огонь, да еще и град к тому же. Все то, что агенты страховых компаний валят в одну кучу под рубрикой «Деяния Господни».

– Сознательно совершаемое...

– Я – для собственного удовольствия – коллекционирую рухнувшие церкви. Вы не видели недавнюю передачу о церкви в Сицилии? Потрясающе! Фасад храма рухнул во время специально заказанной мессы и похоронил под собой шестьдесят пять бабусь. Это зло? Если да, кто же его совершил? Если Он – там, наверху, Он просто наслаждается подобными деяниями, офицер Старлинг. И тиф, и лебеди – от одного творца.

– Я не могу найти вам объяснение, доктор Лектер, но я знаю, кто мог бы это сделать.

Он прервал ее, подняв ладонь. Клэрис заметила, что рука у него очень красива, а средних пальцев – два, совершенно одинаковых, но это не нарушает изящества кисти. Редчайшая форма полидактилии¹¹.

Когда он заговорил снова, тон его был мягок и приветлив:

– Вам хотелось бы меня квантифицировать¹², разложить на составные. Разве не так, офицер Старлинг? Вы преиспол-

¹¹ **Полидактилия** – многопалость, развитие добавочных пальцев у человека или животного.

¹² **Квантифицировать** – здесь: определить в простейших терминах.

нены амбиций и уверенности в себе. А знаете, как вы выглядите, на мой взгляд, вы – с вашей дорогой сумкой и дешевыми туфлями? Вы самая настоящая деревенщина, правда тщательно отмытая и отчищенная; пробивная деревенская бабенка, у которой все же есть некоторый вкус. Глаза у вас – как дешевые камушки, что дарят на день рождения: никакой глубины, поверхностный блеск, так и загораются, когда вам удастся получить хоть крошечный, да ответ. Но за всем этим кроется ум. Вы из кожи вон лезете, только чтобы не походить на собственную матушку. Хорошее питание дало вам внешность получше – удлинито костяк, облагородило лицо, но ведь вы всего на одно поколение отошли от угольных шахт, офицер Старлинг. Вы из каких Старлингов? Из Западной Виргинии или из Оклахомы, а? Надо было монетку подкинуть, чтобы решить, куда податься – в колледж или в армию, во вспомогательные части. Как думаете? Сказать вам что-то очень личное о вас самой, а, курсант Старлинг? Там, дома, в вашей комнате, вы прячете нитку золотых бусин, тех, что каждый год добавляют по одной, и, изредка бросая на них взгляд, вздрагиваете – такими уродливыми и липкими они кажутся вам теперь, верно? Все эти надоевшие «спасибо вам», за которыми обычно следуют такие невинные поглаживания и поцелуйчики, от которых чувствуешь себя противно липкой, зато добавляется лишняя бусина... Скучно. Ску-у-у-ш-но. Это ужасно – быть умной, курсант Старлинг. Это может столько всего испортить. Да еще – вкус. Тоже злая

штука. Когда вы будете вспоминать эту беседу, вспомните и о глупом животном, получившем по физиономии, когда вы пытались от него отделаться. «И если эти бусы стали казаться уродливыми и липкими, что еще покажется таким же на пути вперед и вверх?» – думаете вы по ночам. Разве я не прав? – закончил доктор Лектер тоном, добрее которого и представить себе было бы невозможно.

Старлинг подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы видите многое, доктор Лектер. Я не стану отрицать ничего из того, что вы сказали. Но вот вопрос, на который вы должны ответить мне сейчас же, хотите вы этого или нет: хватит ли у вас сил направить эту вашу высоковольтную пронизательность на себя самого? Очень тяжело выстоять под такими лучами. Я имела возможность убедиться в этом в последние несколько минут. Так как же? Взгляните на себя и напишите правду о том, что вы увидели. Разве смогли бы вы отыскать более подходящий или более сложный объект? Или вы боитесь себя?

– Вы человек очень твердый, офицер Старлинг. Правда?

– Не кремень.

– И вам очень не хочется думать, что вы – как все, правда? Это вас уязвляет. Еще бы! Нет, вы совсем не как все, офицер Старлинг. Вы только боитесь быть такой. У вас какие бусины, семимиллиметровые?

– Да.

– Позвольте мне дать вам совет. Достаньте тигровый глаз,

несколько просверленных камушков от рассыпавшихся бус, и нанижите их вперемежку с вашими золотыми бусинами: одну через две или две через три, как вам самой покажется лучше. Тигровый глаз отразит цвет ваших собственных глаз и блеск волос. Вам случалось получать открытки в День святого Валентина?

– Ага.

– Сейчас у нас Великий пост, до святого Валентина осталась всего неделя... Ммм, вы ждете открыток?

– Никогда не знаешь точно...

– Да, верно... Никогда не знаешь... Я вот думал о Дне святого Валентина. Вспоминается одна забавная вещь. Пожалуй, я могу сделать вас очень счастливой в этот день, Клэрис Старлинг.

– Каким образом, доктор Лектер?

– Прислав вам замечательную открытку-«валентинку». Надо подумать. А теперь извините меня. Всего хорошего, офицер Старлинг.

– А как же исследование?

– Знаете, во время переписи один счетчик попытался меня квантифицировать. Я съел его печень с бобами и большим бокалом «Амарона». Отправляйтесь-ка назад, в свою академию, малышка Старлинг.

Ганнибал Лектер, вежливый до самого последнего момента, не мог повернуться к ней спиной: он отступил назад от нейлоновой сети и лишь затем направился к койке, на ко-

тору и лег, бесстрастный и отрешенный, словно каменный крестоносец на могильной плите.

Старлинг вдруг почувствовала себя опустошенной, как после кровотечения. Она провозилась дольше, чем требовалось, укладывая бумаги в атташе-кейс, потому что боялась, как бы ее не подвели дрожащие колени. Отвратительное чувство провала, досада на себя овладели ею. Старлинг сложила стул, на котором сидела во время беседы, и прислонила его к запертой дверце шкафа. Опять идти мимо Миггза. Барни – очень далеко – что-то читал. Чертов Миггз! Нисколько не страшнее, чем проходить мимо бригады строителей или грузчиков на улицах города. А это ей приходилось делать ежедневно. Она зашагала назад по коридору.

Сбоку – совсем рядом – Миггз просипел:

– Я прокусил себе руку, чтобы подохну-у-у-уть. Видишь, сколько крови?

Следовало вызвать Барни, но, перепугавшись, Клэрис посмотрела в камеру, увидела, как Миггз встряхнул рукой, и, не успев отвернуться, ощутила на щеке и шее теплые брызги. Она отошла от камеры, убедилась, что это не кровь, а сперма, и услышала, что ее зовет доктор Лектер. Голос доктора Лектера звучал теперь иначе: режущий ухо металлический скрежет слышался гораздо явственнее.

– Офицер Старлинг!

Он встал с постели и кричал ей вслед, а она шла прочь по коридору, шарила в сумке, отыскивая салфетки. А в спину

ей неслось:

– Офицер Старлинг!

Клэрис уже овладела собой, словно встав на холодные стальные рельсы собственной воли. И шла вперед, к двойным бронированным дверям.

– Офицер Старлинг!

В голосе теперь звучали совсем иные ноты.

Она остановилась.

«О господи, почему я так хочу добиться от него ответа?»

Миггз сипел что-то ей вслед, она не слушала.

Клэрис снова стояла перед клеткой Лектера, и глазам ее предстало редкостное зрелище: доктор волновался. Она знала: он чувствует этот запах, он ведь чувствует любой запах.

– Мне очень жаль, что это случилось. Невоспитанность, грубость – несказанно безобразны.

Казалось, убийства, совершенные им, сделали его неспособным на грубость более мелкого масштаба. «А может быть, то, что меня вот так отметили, странным образом возбуждает его», – подумала Старлинг. Она не могла понять, в чем дело. Красноватые искры в его глазах слетались во тьму зрачка, словно светлячки во тьму пещеры.

Что бы это ни было, господи, пусть оно сработает!

Она подняла атташе-кейс.

– Пожалуйста, сделайте это для меня.

Видимо, она опоздала: он снова был спокоен.

– Нет. Но я сделаю так, чтобы вы не жалели, что приходи-

ли сюда. Я дам вам что-то совсем другое. Я дам вам то, что вы больше всего любите, Клэрис Старлинг.

– Что же это, доктор Лектер?

– Продвижение по службе, разумеется. Это получится прекрасно... Я очень рад... День святого Валентина – какие ассоциации! – Улыбка, обнажившая мелкие белоснежные зубы, могла быть вызвана чем угодно. Он говорил так тихо, что она с трудом смогла расслышать его слова. – Поищите свои «валентинки» в машине Распая. Вы слышите? Поищите свои «валентинки» в машине Распая. А теперь уходите: я не думаю, что Миггз сможет сделать это еще раз – не успеет, хоть он и сумасшедший, а, как вы полагаете?

4

Клэрис Старлинг была возбуждена и вымотана до предела, держалась лишь усилием воли. Кое-что из сказанного о ней Лектером было правдой, кое-что лишь походило на правду. Несколько секунд там, перед клеткой, она ощущала, как чуждое сознание обшаривает ее мозг, словно медведь, забравшийся в летний домик, грубо скидывая и валя в кучу разложенные по полочкам вещи.

Ее злило то, что он сказал о ее матери; нужно перестать злиться, ведь она на работе.

Она сидела в своем стареньком «пинто» напротив больницы и старалась дышать как можно глубже. Окна машины запотели, и она почувствовала себя огражденной, укрытой от любопытствующих прохожих.

Распай... Она помнила это имя. Он был пациентом доктора Лектера и стал одной из его жертв. Старлинг успела лишь просмотреть дело Лектера: у нее был всего один вечер на весь этот огромный материал. Распай – имя одного из многих убитых. Нужно вникнуть в детали.

Первым ее побуждением было мчаться сломя голову в отдел и взяться за это дело, ни секунды не промедлив. Но она прекрасно понимала, что это ощущение безотлагательности – результат ее собственного возбуждения. Дело Распая было закрыто много лет тому назад. Никому не грозила ника-

кая опасность. Времени вполне хватит. И лучше получить достаточно информации и хороший совет, прежде чем идти дальше и браться за дело по-настоящему. Конечно, Крофорд может его отобрать у нее и отдать кому-то из сотрудников. Придется рискнуть.

Старлинг попыталась дозвониться ему по междугородному, но он, как выяснилось, в этот момент выпрашивал в подкомиссии Конгресса дополнительные бюджетные ассигнования.

Разумеется, она вполне могла более подробно ознакомиться с делом в отделе по расследованию убийств Балтиморского департамента полиции. Но убийство – преступление вне юрисдикции федеральных правоохранительных органов, и балтиморцы наверняка вырвут это дело у нее из рук, тут и сомневаться нечего.

Она отправилась назад, в Квонтико, в отдел психологии поведения, с его уютными клетчатými, как дома, занавесками и серыми папками дел, в которых таился ад. Последняя секретарша ушла, давно стемнело, а Клэрис все сидела, прокручивая бесконечный микрофильм с делом Лектера. Старенький, сопротивляющийся изо всех сил аппарат затухал и вспыхивал в затемненной комнате, словно блуждающий огонек, пока у нее перед глазами проходили слова и снимки, отбрасывая бегущие тени на ее напряженное лицо.

Распай Бенджамин Рене (рост, вес, 46 лет, первая флейта Балтиморского филармонического оркестра) был постоян-

ным пациентом доктора Ганнибала Лектера, когда тот имел в Балтиморе психиатрический кабинет.

22 марта 1975 года Распай не явился на концерт оркестра, а 25-го его тело было обнаружено в маленькой сельской церкви недалеко от Фолз-Черча, штат Виргиния. Мертвый Распай сидел на церковной скамье во фраке и белом галстуке, остальная одежда отсутствовала. Вскрытие показало, что Распай был убит ударом острого орудия в сердце, а поджелудочная и зубная железы удалены.

Клэрис Старлинг, которая с детства знала о приготовлении мясных полуфабрикатов несколько больше, чем ей хотелось бы знать, сразу же вспомнила: эти органы шли как «сладкое мясо». В Балтиморском отделе по расследованию убийств считали, что они фигурировали в качестве основного деликатеса в меню обеда, который Лектер давал в честь президента Филармонического общества Балтимора и дирижера Балтиморского оркестра вечером того дня, когда исчез Бенджамин Распай.

Доктор Ганнибал Лектер заявил, что ему ничего не известно о подобных вещах. Президент и дирижер утверждали, что совершенно не помнят, что подавалось на обед, хотя доктор Лектер славился изысканностью своего стола и публиковал многочисленные статьи в изданиях для гурманов.

Впоследствии стало известно, что президент Филармонического общества лечится от анорексии (отсутствия аппетита) и алкоголизма в специальном санатории в Базеле.

Распай был девятым в списке известных балтиморской полиции жертв Лектера.

Распай умер, не оставив завещания, и тяжба из-за наследства между его родственниками несколько месяцев занимала первые страницы газет, пока интерес к этой истории не ослаб.

Родственники Распая объединились с родственниками других пациентов, ставших жертвами лечившего их доктора, и подали в суд, требуя уничтожения медицинских карт пациентов и магнитофонных пленок с записями, сделанными свихнувшимся психиатром. Невозможно даже представить, утверждали они, какие компрометирующие тайны могли выболтать пациенты, а медицинская карта – документ. Иск родственников был удовлетворен.

Суд назначил адвоката Распая, Эверетта Йоу, распорядителем оставшегося имущества.

Старлинг придется обратиться к адвокату за разрешением осмотреть машину. Но вполне возможно, что, стремясь сберечь репутацию покойного клиента, адвокат уничтожит улики, если у него будет для этого достаточно времени. Нет. Она предпочитает напасть неожиданно, но для этого ей нужен совет и соответствующие полномочия.

Клэрис была одна в отделе и могла сейчас делать что угодно. Она разыскала номер домашнего телефона Крофорда. Гудка она так и не услышала: в трубке неожиданно прозвучал его голос, очень тихий и ровный:

– Джек Крофорд.

– Это Клэрис Старлинг... Надеюсь, я не оторвала вас от обеда... – Ответом ей было молчание. Но нужно было продолжать. – Сегодня Лектер сказал мне кое-что касающееся дела Распая, я сейчас в отделе, уточняю детали. Лектер говорит, что-то есть в машине Распая. Мне нужно связаться с его адвокатом, чтобы получить к ней доступ. А завтра – суббота и занятий нет, так я хотела спросить вас...

– Старлинг, вы способны хотя бы припомнить, что я просил вас сделать с информацией, полученной от Лектера?

Голос Крофорда был спокоен до ужаса.

– Представить вам доклад к девяти ноль-ноль в воскресенье.

– Вот и выполняйте, Старлинг. Все.

– Хорошо, сэр.

Жало долгого гудка, казалось, впилося ей в ухо, и яд от этого жала разлился по всему лицу: горели щеки, жгло глаза.

– Ну, мать твою, дерьмец старый! – сказала она сквозь зубы. – Старый вонючий сукин сын! Тебя бы тот Миггз обхлопал – я бы на тебя посмотрела.

Отмытая до блеска и облаченная в казенную ночную рубашку с эмблемой Академии ФБР, Старлинг второй раз переписывала свой доклад, когда из библиотеки вернулась Арделия Мэпп – соседка по комнате в общежитии академии. Круглая, шоколадно-коричневая, восхитительно нормальная физиономия Арделии показалась Клэрис самым же-

ланным зрелищем за весь этот день.

Арделия Мэпп сразу же заметила, какое у подруги усталое лицо.

– А что ты делала сегодня, девочка?

Мэпп всегда задавала вопросы таким тоном, словно ее вообще не интересовало, что ей ответят.

– Обольщала одного психа, а другой меня малафейкой обхлюпал с ног до головы.

– Ну, знаешь, хотела бы я иметь время для светской жизни. Чертова академия! И как ты все успеваешь – и общаться, и заниматься?

Старлинг вдруг обнаружила, что не может удержаться от смеха. Арделия Мэпп тоже смеялась – недолго, ровно столько, сколько и заслуживала ее нехитрая шутка. А Клэрис не могла остановиться и, слыша себя словно издалека, все смеялась и смеялась. Сквозь слезы Арделия Мэпп казалась ей странно постаревшей, а в улыбке ее сквозила беспредельная печаль.

Джек Кроффорд – ему недавно исполнилось пятьдесят три – сидит у себя дома, в спальне, в глубоком кресле с подголовником, и читает при свете неяркой лампы с низко опущенным абажуром. Сидит он лицом к двум широким кроватям, под ножки которых подставлены кирпичи, так что кровати высотой походят на больничные. Одна из них – его, на другой неподвижно лежит его жена, Белла. Ему слышно, как она дышит – тяжело, ртом. Уже два дня, как она не шевелится. Два дня ничего не говорит.

Вдруг дыхание ее прерывается. Кроффорд поднимает глаза от книги, вглядывается над линзами очков, откладывает книгу. Но дыхание возобновляется: Белла дышит – сначала легкий трепет, затем вдох и выдох. Кроффорд встает, кладет ладонь на лоб жены; сейчас он измерит ей давление, проверит пульс. За долгие месяцы болезни Беллы он научился делать это не хуже любого медика.

Он не хочет оставлять ее одну ночью – вот почему его кровать стоит рядом с ее кроватью. Во тьме ночной он протягивает руку, чтобы коснуться ее руки, – вот почему его кровать так же высока, как и кровать Беллы.

Если не считать высоты кроватей да еще небольших изменений в системе канализации, необходимых для удобства жены, Кроффорду удалось добиться, чтобы спальня сохранила

свой обычный вид, а не превратилась в больничную палату. В комнате – цветы, не слишком много; никаких лекарств на виду: Крофорд освободил шкафчик для белья перед дверью и заполнил его лекарствами и необходимыми медицинскими приспособлениями и аппаратами, прежде чем привез Беллу домой из больницы. (Второй раз в жизни перенес он ее на руках через порог этого дома, и мысль об этом чуть было не лишила его мужества.)

Ветер с юга принес тепло; окна открыты; виргинский воздух свеж и мягок; слышно, как во тьме окликают друг друга лягушки.

Спальня блистает чистотой, но ковер немного замахрился. Джек не хочет пользоваться здесь шумным пылесосом, предпочитая механическую щетку, а она много хуже. Он проходит на цыпочках к шкафу и зажигает свет. На внутренней стороне дверцы – два планшета. На одном он отмечает давление и частоту пульса Беллы. Его записи перемежаются с записями медсестры, которая приходит днем. Колонки записей занимают множество страниц, отмечая бесчисленные дни и ночи. На другом планшете дневная сестра записывает, какие лекарства давались Белле.

Крофорд может теперь сам вводить ей любые лекарства, если ночью возникнет такая необходимость; по совету медсестры он практиковался, сначала делая уколы в лимон, а потом – в собственное бедро, прежде чем привез жену из больницы. Сейчас он стоит над ней вот уже минуты три, гля-

дя в любимое лицо. Прелестный муаровый шарф тюрбаном окутывает ее волосы. Белла настаивала на этом – пока могла. Теперь на этом настаивает он сам. Джек смачивает ей губы глицерином и снимает какую-то крошку из уголка ее глаза большим пальцем. Она неподвижна. Еще не время повернуть ее на бок.

Встав перед зеркалом, Крофорд говорит себе, что он не болен, что он не должен отправиться под землю вместе с Беллой, что он здоров. Поймав себя за этим занятием, он испытывает жгучий стыд.

Снова усевшись в кресло, он никак не может вспомнить, о чем же он только что читал. Он ощупывает лежащие рядом книги, пытаюсь найти ту, что еще хранит тепло его руки.

6

Утром в понедельник Клэрис Старлинг обнаружила в своей ячейке для писем такую записку от Крофорда:

К. С.

Займитесь машиной Распая в свое свободное время.

Получите в отделе кредитную карточку для междугородных телефонных переговоров. Свяж. со мн., прежде чем установите контакт с адвокатом или отправитесь куда-либо. Доложите о результатах в среду, в 16.00.

Директор получил доклад по Лектеру за Вашей подписью. Вы хорошо поработали.

Дж. К.

Нач. ОПП/Сектор 8

Настроение Клэрис Старлинг резко улучшилось. Она прекрасно понимала, что Крофорд сейчас подкидывает ей незначашее дело, словно полудохлую, не способную уже бегать мышь – неопытному котенку. Но он ведь хочет научить ее работать. Он хочет, чтобы у нее получалось. Для нее это значило гораздо больше, чем вежливость и учтивый тон.

Распай был убит восемь лет назад. Какие улики могли сохраниться в его машине после всех этих лет?

Она знала по опыту собственных родителей, что машины дешевеют с невероятной скоростью, поэтому суд разрешает

наследникам продавать их сразу же, с тем чтобы полученные деньги были отданы на хранение до утверждения завещания. Не похоже, чтобы распорядители имущества, даже если это дело было столь запутанным и спорным, хранили машину Распая все восемь лет.

Возникала еще одна проблема – время. С перерывом на обед у Старлинг было всего час пятнадцать свободного времени на то, чтобы успеть позвонить по межгороду в рабочие часы. Докладывать Кроффорду нужно в среду. Стало быть, у нее на все – три часа сорок пять минут, да и то растянутые на три дня. За это время нужно найти машину; кроме того, она может использовать те часы, что тратит на подготовку к занятиям, а потом нагонять по ночам.

Клэрис была на хорошем счету у преподавателей курса следственной процедуры и рассчитывала, что сможет получить у них консультации по вопросам общего характера.

В обеденный перерыв в понедельник сотрудники Балтиморского окружного суда трижды просили ее не вешать трубку, а потом напрочь о ней забывали. Зато в часы, обычно посвященные домашней подготовке, она попала наконец на человека, вполне дружелюбно настроенного, и он поднял для нее документы по делу об имуществе Распая.

Служащий подтвердил, что разрешение на продажу машины было выдано, и сообщил Старлинг марку и номер кузова машины, а также имя нового владельца.

Во вторник она убила половину обеденного перерыва, пы-

таясь найти обладателя машины. За оставшуюся часть времени ей удалось выяснить, что Автотранспортное управление штата Мэриленд не имеет возможности разыскать автомобиль по номеру кузова, а только по регистрационному номеру или по последнему номерному знаку.

В тот же вторник после обеда ливень загнал всех в помещение, прервав занятия на стрельбище. В теплом конференц-зале от взмокших от дождя и пота курсантов повалил пар. Сам такой же мокрый, Джон Бригем, преподаватель огневой подготовки, бывший офицер морской пехоты, решил проверить твердость руки Старлинг, для чего заставил ее перед всем классом нажимать на спусковой крючок револьвера «Смит-вессон-19» столько раз, сколько успеет за шестьдесят секунд.

Ей удалось сделать семьдесят четыре выстрела левой и, сдув прядь волос, упавшую на глаза, начать все сначала правой, пока кто-то из курсантов вел счет. Она стояла, собрав в кулак всю свою волю, четко видя мушку, менее четко (как и следовало) – целик и наскоро сооруженную мишень. Где-то посередине упражнения – минута еще не прошла – Клэрис заставила себя подумать о другом, чтобы не чувствовать боли, и вдруг разглядела мишень. Это была благодарность за отличную работу, выданная отделом охраны правопорядка Междущтатной торговой палаты Джону Бригему, ее теперешнему преподавателю.

Едва шевеля губами, в то время как кто-то вел счет ре-

вольверным щелчкам, она задала Бригему вопрос:

– Как отыскать последний регистрационный номер машины...

...шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь...

– ...если имеется только серийный номер...

...семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят, восемьдесят один...

– ...и марка? Если нет последнего номерного знака?

...восемьдесят девять, девяносто. Время!

– Хорошо, – произнес Бригем. – Хочу, чтобы все взяли себе на заметку: твердая рука – важнейшее условие в прицельной боевой стрельбе. Некоторые джентльмены в нашем классе беспокоятся, как бы я кого из них не вызвал следующим. Их беспокойство вполне оправданно – результат Старлинг значительно выше среднего. А почему? Она работает. Она укрепляет кисть, работая с любыми сопротивляющимися сжатию предметами, теми, что всегда под рукой. Большинство из вас вообще не привыкли сжимать ничего тверже собственных... – Всегда начеку, в попытках удержаться от такой родной, принятой в морской пехоте терминологии, он смолк, подыскивая подходящий эвфемизм, и наконец произнес: – Только и умеете, что собственные угри давить. Нечего улыбаться, Старлинг, вы тоже не больно-то хороши. Ваша левая... Мне надо, чтоб вы и левой делали не меньше девяноста к концу обучения. Быстро встать парами и вести счет поочередно, раз-два. Отставить, Старлинг, вас не касается.

Подойдите сюда. Какие еще сведения о машине у вас имеются?

– Только номер кузова и марка, вот и все. И имя предыдущего владельца.

– Ладно, слушайте. Легче всего проср... сорвать все дело, пытаясь найти машину по регистрационным номерам или отыскать то одного владельца, то другого. Только запутаетесь в разных штатах. Ну, по правде говоря, полиция порой так и делает, да и в компьютеры заложены только регистрационные номера и последние номерные знаки. Все привыкли пользоваться именно этими данными.

Громкое щелканье учебных револьверов с синими рукоятками заполнило зал, так что Бригем басил прямо ей в ухо:

– Есть способ попроще. Р. Л. Полк и К^о – вы знаете, они издают городские справочники – выпускают еще регистрационные списки автомобилей, указывая марку и соответствующий номер кузова. Больше нигде этого не найдете. Продавцы машин руководствуются ими, делая рекламу. С чего это вы решили меня об этом спросить?

– Так вы же работали в отделе правопорядка МТП, ну я и подумала, что вам наверняка приходилось отыскивать машины, и не один раз. Спасибо вам.

– Услуга за услугу, Старлинг. Разработайте свою левую до должного уровня, и пусть эти неженки в брюках краснеют от стыда.

В часы домашней подготовки, забравшись снова в теле-

фонную будку, Старлинг едва могла записывать полученную информацию – так дрожали пальцы. У Распая был «форд». Недалеко от Университета штата Виргиния находился автомагазин, владелец которого многие годы терпеливо приводил в порядок ее дряхлый «пинто» – насколько мог. Теперь, столь же терпеливо, он просматривал списки Полка и К° по ее просьбе. Когда он снова подошел к телефону, он смог назвать ей имя и адрес человека, последним зарегистрировавшего машину Распая.

«Клэрис Старлинг лучше всех. Клэрис Старлинг ждет успех. А ну-ка прекрати молоть чепуху и позвони этому человеку! Он должен быть дома, посмотрим, посмотрим, где это Арканзас-Сити, Дитч, дом номер 9. Джек Крофорд никогда в жизни не позволит мне туда поехать, но я, по крайней мере, смогу узнать, кого он туда послал».

Никто не снял трубку ни в этот раз, ни в следующий. Гудок звучал странно, очень далеко, сдвоенным бип-бип, словно телефон там был спаренный. Клэрис попробовала позвонить поздно вечером – с тем же результатом.

В среду, в обеденный перерыв, в трубке наконец раздался мужской голос:

- Из Канады опять старые песни передают.
- Здравствуйте, я звоню, чтобы...
- Мне не нужны алюминиевые рамы, и я не собираюсь жить в городке жилых автоприцепов во Флориде. Что еще вы можете предложить?

Старлинг услышала такой привычный говорок жителя арканзасских холмов, что сразу приободрилась: она и сама могла говорить так с кем угодно, стоило лишь захотеть, а время поджимало.

– Ага, сэр, если б вы могли меня выручить, я б вам была благодарна не знаю как. Мне бы найти мистера Ломекса Бардуэлла. Меня зовут Клэрис Старлинг.

– Старлинг какая-то звонит, – крикнул он кому-то в глубину дома. – А чего вам надо от Бардуэлла?

– Я от Среднеюжной районной станции обслуживания автомобилей марки «форд». Ему полагается малый гарантийный ремонт, бесплатно.

– Ну я Бардуэлл. А я-то решил, вы мне чего-нибудь всучить хотите, по льготной-то междугородке. Только поздновато будет для малого ремонта, мне нужен большой. Я с женой ездил в Литл-Рок, а когда выезжал с Саутленд-Молл, знаете?

– Ага.

– Ну, там чертова железяка проткнула картер, масло вытекло на дорогу. А грузовик – знаете, фирма такая – «Оркин», машина с нашлепкой наверху? Ну, он въехал в масло, и его развернуло.

– Господи помилуй!

– Сбил фотобудку-автомат, стекла все повываливались. Хозяин будки еле вылез, шатался, ничего не соображал, пришлось его с дороги силком оттаскивать.

– Ну и ну, скажу я вам! Ну и что же с ней случилось?

– С кем что случилось?

– С машиной.

– Ну, я сказал Бадди Сипперу со склада утиля, мол, отдам ее за полсотни, только чтоб сам забрал. Думаю, он ее уже разобрал.

– А вы мне телефончик его не дадите, мистер Бардуэлл?

– А он-то вам на что? Если кому чего и следует тут получить, так мне. Не ему же?

– Прекрасно понимаю вас, сэр. Я ведь только делаю, что велят, а мне велели до пяти разыскать эту машину. У вас есть его телефон, простите, сэр?

– Книжку никак не найду. Давно куда-то задевалась. Знаете, как это, когда у тебя внучат куча. На центральную позвоните, у них должен быть. Спросите склад утиля Сиппера.

– Много вам обязана, мистер Бардуэлл.

На складе утиля подтвердили, что машина уже разобрана и пущена под пресс, чтобы пойти в переплавку. Мастер проверил по спискам серийный номер машины и сообщил его Старлинг.

«Эх ты, мышка из сраного домишка! – подумала Старлинг, не вполне еще освободившись от арканзасской манеры выражаться. – Тупик. Ничего себе «валентинка»!»

Она прижалась лбом к холодному телефонному аппарату. Арделия Мэпп заглянула в будку и, придерживая одной рукой у бедра пачку книг, другой протянула ей баночку апель-

синового сока.

– Спасибо, Арделия. Мне надо еще один звонок проверить. Если успею вовремя, нагоню тебя в кафешке, идет?

– А я так рассчитывала, что тебе удастся отделаться от этого невозможного диалекта! – сказала Мэпп. – Читай побольше, детка, книги помогут. Я лично больше никогда не пользуюсь красочным *patois*¹³ родимого микрорайона. Только начни говорить, словно горячей картошкой рот набив, тут все и скажут – место тебе с последними дураками.

И Мэпп закрыла дверь в будку.

Старлинг понимала – придется сделать попытку получить дополнительную информацию от Лектера. Если ей удастся договориться с Чилтоном, может быть, Крофорд разрешит ей снова посетить психбольницу. Она набрала номер Чилтона, но ей так и не удалось прорваться через секретаршу.

– У доктора Чилтона совещание с коронером¹⁴ и заместителем районного прокурора, – сказала секретарша. – Он уже беседовал с вашим начальством, и ему нечего вам сообщить. Всего хорошего.

¹³ **Patois** – диалект определенного района, значительно отличающийся от литературного языка.

¹⁴ **Коронер** – следователь, производящий предварительное дознание и определяющий, была ли смерть насильственной.

– Ваш приятель Миггз умер, – сказал Крофорд. – Вы все мне рассказали, Старлинг?

Лицо Крофорда казалось безмерно усталым, но малейшее изменение тона мгновенно отражалось на нем. Клэрис вдруг подумала: как сова, что топорщит перья на горле от принятого острым слухом сигнала, и жалости в этом лице – как у совы.

– Как?

Все внутри у нее застыло, нужно было как-то справиться с этим.

– Незадолго до рассвета проглотил собственный язык. Чилтон полагает, что Лектер уговорил его сделать это. Ночной дежурный слышал, как Лектер о чем-то говорил Миггзу – очень тихо. Лектер многое знал о Миггзе. Разговаривал с ним довольно долго, но дежурный не мог расслышать о чем. Потом Миггз довольно долго плакал, а затем смолк. Вы все мне рассказали, Старлинг?

– Да, сэр. Если сравнить мой доклад с записями – все, почти дословно.

– Чилтон звонил и жаловался на вас... – Крофорд подождал немного и, казалось, был доволен, что она не задает вопросов. – Я сказал, что нахожу ваше поведение вполне удовлетворительным. Чилтон пытается избежать расследования

по делу о нарушении гражданских прав.

– А должно быть такое расследование?

– Разумеется, если родственники Миггза потребуют этого.

Отдел защиты гражданских прав расследовал тысяч восемь дел в нынешнем году. Рады будут добавить Миггза к тем, кто уже есть у них в списках. – Кроффорд внимательно посмотрел ей в лицо: – Как вы? Нормально?

– Не знаю, как к этому отнестись.

– Никак. Не следует особенно расстраиваться из-за этого.

Лектеру просто хотелось позабавиться. Он прекрасно понимает, что никто ему ничего за это по-настоящему сделать не сможет, так что почему бы и нет? Чилтон на какое-то время отберет у него книги и стульчак, лишит сладостей. – Кроффорд сложил руки на животе, сплел пальцы, оттопырив большие, и уставился на них, словно сравнивая. – Лектер ведь расспрашивал вас обо мне, верно?

– Он спросил, очень ли вы заняты. Я ответила «да».

– И это все? Вы не опустили ничего личного, опасаясь, что мне неприятно будет это читать?

– Нет. Он сказал, что вы стоик. Но я об этом написала.

– Да, помню. Больше ничего?

– Нет, я ничего не пропустила. Вы ведь не думаете, что я выдала ему какие-то сплетни, поэтому он и говорил со мной?

– Нет.

– Я не знаю о вас ничего, что касалось бы вашей личной жизни, да если бы и знала – не стала бы это ни с кем обсуж-

дать. Если вы мне не верите, давайте сейчас выясним это раз и навсегда.

– Я вам верю. Следующий вопрос.

– Вы же что-то такое подумали или...

– Переходите к следующему вопросу, Старлинг.

– Намек Лектера про машину Распая ни к чему не привел. Она ушла под пресс четыре месяца назад из дома номер девять по улице Дитч в Арканзас-Сити и отправлена в переплавку. Может быть, если я опять пойду и поговорю с ним, он еще что-нибудь мне скажет?

– Вы все до конца выяснили?

– Да.

– Почему вы решили, что автомобиль, на котором ездил Распай, был его единственной машиной?

– Только эта машина была зарегистрирована, он не был человеком семейным, я предположила...

– Ага, ну-ка подождите. – Крофорд поднял палец, указывая на некий невидимый глазу, но явно обнаружившийся в воздухе между ними принципиально важный предмет. – Вы предположили. Вы предположили, Старлинг. Смотрите.

Крофорд написал «предположили» на листе большого блокнота. Старлинг знала, что многие преподаватели переняли эту манеру у Крофорда, но и виду не подавала, что этот прием ей известен.

– Если вы что-то предположили, выполняя дело, порученное вам мною, то вы предварительно, с самого начала, – Кро-

форд подчеркнул последние четыре слога, – по-ло-жи-ли – и на дело, и на себя, и на меня. – Он откинулся назад, довольный поучительной, хотя и грубой шуткой. – Распай коллекционировал автомобили, знали вы об этом?

– Нет. И распорядители все еще хранят их?

– Не знаю. Как вы думаете, сможете сами выяснить?

– Смогу.

– С чего начнете?

– С душеприказчика.

– Помнится, балтиморский юрист, китаец, верно?

– Эверетт Йоу, – сказала Старлинг, – он есть в телефонном справочнике Балтимора.

– А вы задумались хоть на минуту о том, что нужно получить ордер на осмотр машины Распая?

На этот раз что-то в тоне Крофорда заставило Клэрис вспомнить о гусенице-всезнайке у Льюиса Кэрролла.

Но она не решилась парировать достаточно резко.

– Поскольку Распая нет в живых и его ни в чем не подозревают, то, если мы получим разрешение его душеприказчика осмотреть машину, этот обыск будет иметь законную силу и плоды его могут быть приняты в качестве доказательства при решении других юридических вопросов, – процитировала она.

– Точно, – сказал Крофорд. – Вот что я вам скажу. Я предупреджу нашу контору в Балтиморе, что вы приедете. В субботу, Старлинг, в свободное от занятий время. Отправляй-

тесь, вкусите от плодов, если таковые обнаружатся.

Крофорд попытался – довольно успешно – не смотреть ей вслед, пока она шла к двери. Из корзины для ненужных бумаг он двумя пальцами извлек комок розоватой плотной бумаги. Расправил его на столе. Это о его жене. Изящный почерк. Стихи.

Как знать философам, что меж собой гадают,
В каком огне сей бренный мир сгорит,
Не тот ли это жар, что день за днем сжигает
Досель нетленную красу ее ланит?

Мне искренне жаль, что Белла больна, Джек.

Ганнибал Лектер

Эверетт Йоу вел черный «бьюик» с вымпелом «Университет Де Пола» на заднем стекле. Под тяжестью водителя «бьюик» чуть осел на левый бок, отметила Клэрис, следуя за ним на служебном «плимуте» под проливным дождем. Было почти совсем темно; день, посвященный расследованию, подошел к концу; другого дня у нее для этого не будет. Она пыталась справиться с нетерпением, постукивая пальцами по рулевому колесу в такт дворникам; машины, следовавшие из Балтимора по 301-му шоссе, еле ползли.

Йоу был умен, толст и одышлив. Старлинг наугад дала ему лет шестьдесят. Пока что он был вполне сговорчив. Не его вина, что день потерян: вернувшись под вечер из деловой поездки в Чикаго, где пробыл неделю, он прямо с самолета явился к себе в контору, чтобы встретиться с Клэрис.

Роскошный «паккард» Распая был поставлен на хранение задолго до смерти хозяина, объяснил Йоу. У него не было номерного знака – Распай никогда на нем не ездил. Адвокат видел машину один только раз, на складе, под чехлом, когда составлял опись имущества вскоре после того, как его клиент был убит. Если следователь Старлинг согласится «немедленно и откровенно сообщить» обо всем, что она там обнаружит такого, что может повредить интересам его покойного клиента, он покажет ей автомобиль, сказал Йоу. Нет необхо-

димости получать ордер на обыск и приглашать понятых.

Старлинг с удовольствием вела служебный «плимут», данный ей всего на один день. Особенное удовольствие вызвало наличие в машине телефона сотовой связи; к тому же она стала обладательницей нового удостоверения, выданного ей Кроффордом. В нем говорилось только: «Следователь ФБР», а срок его, как она заметила, истекал через неделю.

Они направлялись к мини-складам Сплит-Сити, милях в четырех от Балтимора. Тащась по мокрому шоссе вместе с еле движущимся потоком машин, Старлинг взялась за телефон, чтобы выяснить хоть что-нибудь об этих складах. К тому времени, как впереди высветились ярко-оранжевые буквы:

МИНИ-СКЛАДЫ СПЛИТ-СИТИ

ключ всегда у вас,

у нее уже были кое-какие факты.

Мини-склады Сплит-Сити имели лицензию Федеральной торговой комиссии, выданную на имя Бернарда Гэри. Лицензия давала право на транспортировку грузов из штата в штат. Три года назад Бернард Гэри едва избежал суда по обвинению в транспортировке краденого, и его лицензия подлежала пересмотру.

Йоу свернул под ярко светящуюся вывеску и, остановившись у ворот, предъявил ключи прыщеватому юнцу в полувойенной форме. Юный страж записал номера их машин, отворил ворота и так нетерпеливо махнул им, чтобы они проезжали, словно у него была куча гораздо более важных дел.

Сплит-Сити – мрачное место, насквозь продуваемое всеми ветрами. Как воскресный рейс Ла-Гардиа – Хуарес¹⁵, обслуживающий тех, кто стремится побыстрее оформить развод, эти склады – воплощение индустрии услуги, порождение безумного броуновского движения, охватившего все население страны: большая часть складов занята разрозненными предметами обихода распавшихся семей. Складские боксы заполнены мебелью, стоявшей ранее в гостиных, чайными сервизами, не очень чистыми матрацами, игрушками и фотографическими отпечатками судебных, которые не состоялись. В Балтиморской окружной полиции существует сильное подозрение, что, помимо всего этого, в Сплит-Сити укрывается от суда весьма ценное имущество, какое могло бы послужить возмещению убытков при вынесении постановлений о банкротстве.

Сплит-Сити походит на какой-то военный городок: тридцать акров длинных строений, разделенных брандмауэрами на боксы размером с хороший индивидуальный гараж; у каждого бокса – закатывающаяся наверх дверь. Цены вполне

¹⁵ **Хуарес** – город в Мексике на границе с Техасом, где развод оформляется в течение одного дня. В США на это требуется гораздо больше времени.

умеренные, и порой имущество хранят там годами. Хорошая охрана. Склады окружены высокой двойной оградой с двумя рядами фонарей, внутри которой двадцать четыре часа в сутки ходит патруль с собаками.

У двери в бокс номер 31, принадлежавший Распаю, собралась горка мусора – промокшие листья вперемешку с обрывками газет, бумажными стаканчиками, обертками от конфет. Мощный засов с обеих сторон запирали массивные висячие замки, левый замок был к тому же опечатан. Эверетт Йоу неловко нагнулся, рассматривая печать. Старлинг держала зонт и включенный фонарь, иначе он ничего не рассмотрел бы в рано наступивших сумерках.

– Не похоже, чтобы кто-то открывал дверь после меня за эти пять лет, – сказал он. – Видите, оттиск нотариальной печати на пластике не поврежден. В то время я и понятия не имел, что родственники покойного окажутся такими несговорчивыми и затянута дело о наследстве на столько лет.

Теперь Йоу держал зонт и светил фонарем, пока Старлинг фотографировала замок и печать.

– У мистера Распая в городе был кабинет-студия, от которого я отказался, чтобы не пришлось платить за аренду, – сказал он. – Я перевез сюда всю обстановку и поместил вместе с автомобилем и другими вещами, которые хранились здесь до того. Мы привезли сюда пианино, книги и ноты и еще, кажется, кровать.

Йоу попробовал вставить ключ в замок.

– Холодно, – сказал он, – замки, скорее всего, замерзли.

Ему трудно было одновременно наклоняться и дышать. Он попробовал присесть – колени его громко хрустнули.

Старлинг обрадовалась, что замки хромированные, стандартного типа. Выглядели они устрашающе, но она знала, как легко выдернуть из такого замка медный цилиндр при помощи стального шурупа и молотка-гвоздодера: отец показывал ей, как это делают домушники, когда она была совсем девчонкой. Трудность заключалась лишь в том, где найти шуруп и гвоздодер, ведь ее «пинто» с багажником, вечно полным всяческого барахла, остался дома.

Она пошарила в сумке и извлекла баллончик со специальным средством, которым пользовалась, чтобы оттаивать замки на дверях своего «пинто».

– Хотите отдохнуть минутку в машине, мистер Йоу? Посидите, согрейтесь, а я сама попробую с ними справиться. Заберите зонтик, дождь совсем слабый.

Старлинг подвела служебный «плимут» поближе к двери, чтобы осветить фарами поле деятельности. Достала из машины щуп, капнула масла в замочные скважины и побрызгала туда же из баллончика, чтобы масло побыстрее растворилось. Мистер Йоу улыбался и одобрительно кивал ей из своей машины.

«Хорошо иметь дело с умным человеком, – думала Старлинг, – можно работать, не вызывая вражды».

Уже совсем стемнело. В резком свете фар служебной ма-

шины Клэрис чувствовала себя беззащитной, выставленной напоказ, мотор «плимута» работал вхолостую, и ослабший ремень вентилятора завывал прямо ей в ухо. Она не забыла запереть машину – ведь мотор работал. Мистер Йоу выглядел вполне безобидным, но ей вовсе не улыбалось оказаться вдруг расплющенной в лепешку о железную дверь.

Замок лягушкой подпрыгнул у нее в руке и улегся на ладони, тяжелый и скользкий. Второй замок, успевший оттаять, почти не сопротивлялся.

Дверь не желала подниматься. Старлинг тянула вверх ручку, пока не потемнело в глазах. Йоу вышел из машины – помочь, но дверная ручка была слишком мала, а грыжа его – слишком велика, чтобы помощь оказалась сколько-нибудь существенной.

– Я мог бы вернуться на следующей неделе, вместе с сыном. Или позвать рабочих... – предложил адвокат. – Мне бы очень хотелось как можно скорее попасть домой.

Но Старлинг вовсе не была уверена, что ей самой когда-нибудь снова удастся попасть сюда. Кроффорду будет гораздо проще поднять трубку и поручить все это дело балтиморской конторе ФБР.

– Мистер Йоу, я быстро! У вас в машине нет домкрата?

Клэрис подвела домкрат под ручку двери и всей тяжестью налегла на рычаг. Дверь отвратительно взвизгнула и приподнялась на полдюйма. Казалось, она прогибается вверх в самом центре. Но вот она подалась вверх еще на полдюйма,

и еще, и вот уже можно подложить под нее запасное колесо, чтобы она снова не опустилась, пока Клэрис подставляет домкрат мистера Йоу и свой собственный под дверь с обеих сторон. Перебегая от одного домкрата к другому, она – дюйм за дюймом – подняла дверь фута на полтора; теперь дверь окончательно застряла, и, как ни налегала Старлинг на рычаги двух домкратов, ничего больше сделать не удалось.

Мистер Йоу подошел и заглянул вместе с Клэрис под дверь. Наклоняться ему было трудно: более двух секунд в наклонном положении выдержать он не мог.

– Мышами пахнет, – сказал он. – Меня заверили, что на складе используют крысиный яд. По-моему, это даже оговорено в контракте. «Грызунов у нас практически нет», – сказали мне. Но я их слышу. А вы?

– И я слышу, – ответила Старлинг.

В луче фонаря она смогла разглядеть картонные коробки и одно колесо: широкая шина с белой боковиной виднелась из-под чехла. Шина была спущена.

Клэрис подала «плимут» назад так, чтобы свет фар хотя бы немного осветил пространство под дверью, и вытащила резиновый коврик.

– Вы собираетесь лезть туда, офицер Старлинг?

– Мне необходимо посмотреть, мистер Йоу.

Адвокат вынул носовой платок.

– Могу я предложить вам совет? Завяжите обшлага брюк вокруг щиколоток поплотнее. Чтобы предотвратить вторже-

ние грызунов.

– Спасибо большое, сэр, это замечательная мысль. Мистер Йоу, если вдруг дверь захлопнется... ха-ха... или что-нибудь случится неожиданное, не откажите в любезности позвонить по этому номеру. Это наша контора в Балтиморе. Они знают, что я сейчас здесь, с вами, и будут встревожены, если вскоре не получат от меня известий, понимаете?

– Конечно. Разумеется. Разумеется, понимаю.

Он вручил ей ключ от «паккарда».

Старлинг положила резиновый коврик на мокрую землю перед дверью и легла на него, прикрывая пачкой пластиковых мешков для сбора вещественных доказательств объектив камеры. Она лежала на спине, обшлага брюк плотно завязаны у щиколоток носовыми платками – мистера Йоу и ее собственным. Дождевая пыль садилась на лицо, в носу свербело от запаха плесени и мышей, и в голову ей, как это ни абсурдно, вдруг пришло латинское изречение.

В первый же день ее занятий в академии преподаватель судебной медицины четко выписал на доске известный принцип римского врача: «Primum non nocere. Прежде всего не навреди».

Только он наверняка произнес это не в гараже, полном долбанных мышей.

И вдруг – голос отца, как он когда-то говорил, держа руку на плече ее брата: «Раз не умеешь играть без рева, Клэрис, тогда марш домой».

Старлинг застегнула воротник блузы, втянула голову в плечи, скользнула под дверь и оказалась прямо под задней частью кузова. «Паккард» стоял почти вплотную к левой стене гаража. Картонные коробки сложены справа, заполняя все пространство, не занятое машиной. Старлинг с усилием протиснулась на спине в узкую щель так, что голова ее наконец высунулась в небольшой просвет между коробками и автомобилем. Она включила фонарь и скользнула лучом по отвесной стене коробок. Множество пауков заплели паутиной все вокруг. В основном здесь – паук-кругопряд. Концентрические круги сетей, испещренных высохшими, плотно замотанными липкой нитью останками паучьих жертв.

«Ну, единственный, кого надо бы опасаться, – это коричневый паук-волк, а они живут в норках, – успокаивала себя Старлинг. – Остальные не больно-то кусаются, а если и кусаются, то не больно».

Должно найтись местечко, чтобы встать на ноги у заднего крыла. Она протискивалась, протискивалась и наконец выбралась из-под машины, почти упершись носом в белобокую шину. Колесо было все в лепешках засохшей грязи. И все же можно было разобрать название фирмы: «Гудьир». Осторожно, стараясь не удариться головой, Клэрис поднялась на ноги в узком пространстве. Руку она держала перед лицом, отводя паутину. «Интересно, если носишь вуаль, ощущаешь то же самое?»

Снаружи послышался голос мистера Йоу:

– Порядок, мисс Старлинг?

– Порядок, – откликнулась она.

Ее голос вызвал панику среди невидимых обитателей этого места, какое-то существо пробежало внутри пианино, вызвав к жизни каскад высоких нот. Свет фар из-под двери освещал ее ноги почти до колен.

– Значит, вы отыскиали пианино, офицер Старлинг? – окликнул ее мистер Йоу.

– Это не я.

– О!

Автомобиль был огромный – высокий и длинный. Из описи мистера Йоу Клэрис знала, что это «паккард»-лимузин, модель 1938 года. Он был накрыт ковром, ворсистой стороной вниз. Она пробежала по коврику лучом фонаря.

– Это вы укрыли машину ковром, мистер Йоу?

– Нет, она была уже укрыта, когда я ее впервые увидел, и я так ее и оставил – я не переношу пыли, – сказал мистер Йоу в щель под дверь. – Это Распай так ее укрыл. Я лишь убедился, что автомобиль на месте. Мои грузчики поставили пианино к стене, закрыли, сложили коробки рядом с автомобилем и ушли. Я платил им повременно. В коробках главным образом ноты и книги.

Ковер был тяжелый и толстый, и когда она потянула его за край, облака пыли закружились в луче ее фонаря. Клэрис чихнула раз, другой. Встав на цыпочки, она с трудом завернула ковер на крышу высокой старой машины. Задние ок-

на были затянуты занавесками. Ручка двери покрыта пылью. Пришлось перегнуться через коробки, чтобы до нее дотянуться. Ухватившись за самый кончик, Старлинг попыталась нажать на ручку. Заперто. В задней двери нет замочной скважины. Придется передвинуть кучу коробок, чтобы добраться до передней двери, а куда их двигать? Места чертовски мало. Она заметила небольшую щель между занавеской и стойкой заднего окна.

Старлинг снова перегнулась через коробки, прижалась лбом к стеклу и попыталась осветить фонарем внутренность «паккарда». Все, что ей поначалу удалось увидеть, было собственное отражение; потом она догадалась прикрыть фонарь сверху ладонью, как козырьком. Тонкий луч света, утративший яркость из-за слоя пыли на оконном стекле, перебежал по сиденью. Вот стал виден раскрытый альбом; цвета еле различимы в тусклом свете, но Клэрис разглядела «валентинки», наклеенные на альбомные листы. Старые, кружевные открытки, рельефно выступающие на плотной бумаге.

– Ну, спасибо большое, доктор Лектер.

Она произнесла эти слова вслух; ее дыхание возмутило пыль на подоконнике и затуманило стекло. Протирать стекло не хотелось, пришлось подождать, пока оно снова станет достаточно прозрачным. Луч двинулся дальше, осветил упавший на пол скомканный плед и отразился в чуть запылившихся мужских лаковых туфлях. Над туфлями – черные носки, над носками – фрачные брюки, явно надетые на чьи-то

ноги. «Никто не входил в эту дверь все пять лет... тихо, тихо, держись, девочка!»

– Ох, мистер Йоу! Мистер Йоу, послушайте!

– Да, офицер Старлинг?

– Мистер Йоу, похоже, в этой машине кто-то сидит.

– О господи! Может, вам лучше выйти оттуда, мисс Старлинг?

– Да нет, пока нет, мистер Йоу... Вы только подождите там, не уходите, пожалуйста, прошу вас!

«Вот сейчас надо думать. Сейчас важно все как следует продумать. Важнее, чем все, что ты придумываешь по ночам. Это не какая-то там ерунда вроде той, что ты шепчешь себе в подушку. Усеки это и делай все правильно. Ты не должна повредить или уничтожить улики. Но ведь мне нужна помощь. А страшнее всего – поднять ложную тревогу. Если наша здешняя контора всполошится и пошлет сюда полицейских зазря – все, кранты. Что я вижу? Что-то похожее на ноги. Мистер Йоу не привез бы меня сюда, если б знал, что в машине – мертвяк». «Мертвяк» – это была чистая бравада. Она даже ухитрилась улыбнуться сама себе. «Никто здесь не был со времени последнего посещения Йоу. Так. Значит, коробки ставили уже после того, как это – что бы оно ни было – попало в машину. А это означает, что я могу двигать коробки, ничего важного не повредив».

– Вы здесь, мистер Йоу?

– Да. Нам следует вызвать полицию или достаточно вас

одной, офицер Старлинг?

– Вот это я и хочу выяснить. Вы только подождите там, пожалуйста.

Проблема с коробками. Можно до белого каления дойти. Как с кубиком Рубика. Она пыталась двигать их, держа фонарь под мышкой. Уронила его – раз, другой и наконец решилась положить фонарь на крышу машины. Пришлось переставлять коробки за спину. Некоторые, самые невысокие, соскальзывали под кузов автомобиля. Подушечка большого пальца горела: заноза или чей-то укус – разбираться некогда.

Теперь можно заглянуть сквозь пыльное стекло передней двери в кабину шофера на той стороне, за передним пассажирским креслом. Паук заплел паутиной пространство между рулем и переключателем скоростей. Стекло в перегородке между передним и задним сиденьями было поднято.

Клэрис пожалела, что не смазала маслом ключ от «паккарда», прежде чем лезть под дверь гаража. Но когда она вставила ключ в скважину, замок легко открылся. В узком пространстве дверь открылась едва на треть; она ударилась о коробки с глухим стуком, опять вызвав панику среди мышей и новый каскад звуков из пианино. Затхлый запах плесени и химикалий ударил в нос. Знакомый запах, только никак не вспомнить, откуда она его знает.

Наклонившись и вытянув руку, она смогла опустить стекло перегородки за шоферским сиденьем и осветить фонарем заднюю кабину. Белая вечерняя сорочка с запонками первой

высветилась в луче; быстро вверх – к лицу; никакого лица нет; снова вниз – белая манишка, запонки, атлас лацканов, колени, молния на брюках расстегнута; снова вверх – галстук-бабочка, воротник, из воротника – белый обрубок шеи манекена. Но выше, над шеей, – еще что-то, плохо отражающее свет. Какая-то ткань. Колпак, как раз там, где должна быть голова, – большой, черный, закрывающий что-то вроде клетки с попугаем. Бархатный, подумала Старлинг. Предмет стоял на фанерной полочке, выступающей над шеей манекена и уходящей назад, в глубь отделения для мелкой кладки.

Клэрис сделала несколько снимков с переднего сиденья, устанавливая фокус при свете фонаря и зажмуриваясь при каждом щелчке лампы-вспышки. Затем вылезла из машины и распрямилась. Стоя в темноте, промокшая, вся в паутине, она размышляла, что же следует делать.

Было совершенно ясно, чего не следует делать: не следует приглашать спецагента Балтиморского отдела ФБР посмотреть на манекен с расстегнутыми штанами и на альбом с «валентинками».

И раз уж она решила влезть на заднее сиденье и снять колпак с этой штуки, ей не хотелось слишком долго задумываться над этим. Потянувшись через перегородку, Клэрис отперла заднюю дверь и передвинула несколько коробок, чтобы ее открыть. Ей показалось, что она потратила на это уйму времени. Запах, когда дверь наконец открылась, был гораздо сильнее. Она наклонилась внутрь и осторожно, за уголки,

подняла альбом с «валентинками» и, перенеся его на крышу «паккарда», аккуратно уложила на пластиковый мешок для вещественных доказательств. Другой такой же мешок она расстелила на заднем сиденье.

Рессоры «паккарда» застонали, когда Старлинг влезла внутрь, а манекен слегка сдвинулся с места, когда она села с ним рядом. Правая рука его соскользнула с колена и легла на сиденье. Клэрис коснулась пальцем белой перчатки – рука была очень твердая. Очень осторожно она отогнула край перчатки – кисть руки была сделана из какого-то белого синтетического материала. Под брюками что-то торчало. На мгновение ей припомнились дурацкие шутки в старших классах школы.

Под сиденьем что-то тихонько заскреблось. Тихонько, нежно, словно лаская, ее рука коснулась бархатной ткани. Колпак легко скользнул по гладкой округлой поверхности. Когда Старлинг нащупала наверху большую круглую пробку, она догадалась, что это такое, поняла – это лабораторная банка для препаратов, и знала, что найдет в этой банке. В ужасе, но не колеблясь ни минуты, Клэрис стянула колпак прочь.

Голова в банке была отсечена точно под челюстью и смотрела прямо ей в лицо; глаза побелели от спирта, в котором голова хранилась. Рот раскрыт, язык слегка высунут и совсем серый. За эти годы спирт испарился настолько, что голова легла на дно сосуда и разложившаяся макушка шапкой

выступала над жидкостью. По-совиному наклоненная к телу, она тупо уставилась на Старлинг. И даже дрожащий луч фонарика был не в состоянии хоть как-то преобразить эту застывшую маску смерти.

Теперь Старлинг принялась анализировать собственные ощущения. Она была довольна. Она была радостно возбуждена. На мгновение она задумалась: достойные ли это чувства. Сейчас, в этот миг, сидя в старом автомобиле с мертвой головой и скребущимися под сиденьем мышами, она могла мыслить вполне четко – и была горда этим.

– Ну что ж, Тото, – произнесла она вслух, – мы уже не в Канзасе¹⁶.

Ей всегда хотелось произнести именно эти слова в трудный момент, но теперь, когда ей удалось это сделать, она почувствовала, как неуместно они звучат, и обрадовалась, что никто ее не слышит. Хватит. Надо дело делать.

Она осторожно оперлась на спинку сиденья и огляделась.

Когда-то для кого-то это был привычный мир, кем-то избранный и созданный и отделенный в чьем-то сознании тысячами световых лет от потока машин, катящих по шоссе номер 301.

Засохшие цветы свисали из крохотных хрустальных ваз на колонках по обеим сторонам сиденья. Складной столик

¹⁶ С такими словами обращается к своей собаке Тото девочка Дороти, героиня сказки Л. Ф. Баума «Волшебник из страны Оз», когда смерч уносит ее из Канзаса в волшебную страну.

лимузина был опущен и накрыт полотняной скатертью. На нем сквозь слой пыли поблескивал хрустальный графин. Паутина протянулась от графина к короткой свече, стоящей с ним рядом.

Старлинг попробовала представить себе Лектера, сидящего рядом с ее теперешним компаньоном и поднимающего к губам бокал. Может быть, показывающего ему альбом с «валентинками». А что еще? Работая как можно осторожнее, стараясь не сдвинуть фигуру с места, она обыскала манекен – может, найдется что-нибудь, что поможет опознать голову. Ничего. В кармане фрака она нашла куски ткани: брюки укорачивали по росту. Костюм, по-видимому, был совсем новый, когда его надели на манекен.

Она потрогала торчавший под брюками предмет. Слишком твердый даже для старших классов школы. Пальцами она раздвинула расстегнутую ширинку и посветила фонарем: дилдо, искусственный пенис; полированное дерево, инкрустации. И размер вполне подходящий. «Я, наверное, глубоко порочна», – подумала она.

Аккуратно поворачивая сосуд, она осмотрела голову с боков и сзади – нет ли там ран. Ран не было видно. На стекле виднелось название фирмы, поставляющей лабораторное оборудование.

Размышляя о мертвом лице в сосуде, Клэрис подумала, что оно помогло ей узнать нечто такое, что она запомнит на всю жизнь. Целенаправленно осматривать это лицо, с язы-

ком, изменившим цвет в том месте, где он касался стекла, было не так страшно, как видеть во сне Миггза, проглотившего собственный язык. Ей казалось, она сможет безбоязненно встретиться лицом к лицу с чем угодно, если только сумеет сделать по этому поводу что-нибудь полезное. Клэрис Старлинг была еще очень молода.

За те десять секунд, что ее микроавтобус с передвижной телеустановкой пристраивался у склада, Джонетта Джонсон успела вдеть в уши сережки, напудрить прелестную, шоколадного цвета физиономию и оценить ситуацию. В результате перехвата радиосообщений балтиморских полицейских Джонетта со своей командой успела приехать в Сплит-Сити до появления патрульных машин.

Однако все, что телевизионщикам удалось увидеть в свете ярких фар их машины, была Клэрис Старлинг, стоящая перед дверью в гараж с электрическим фонарем в одной руке и жалким, крохотным удостоверением следователя ФБР в другой. Намокшие под дождем волосы слиплись, несколько прядей прилипли ко лбу.

У Джонетты Джонсон был особый нюх на новичков. Она выбралась из машины – операторы с камерами следовали за ней по пятам – и приблизилась к Старлинг. Ярko загорелись прожекторы.

Мистер Йоу так глубоко укрылся в своем «бьюике», что у нижнего края оконного стекла виднелась лишь тулья его

шляпы.

– Джонетта Джонсон, «Уорлд пикчерз – программа новостей». Это вы сообщили об убийстве?

Старлинг не очень-то походила на блюстителя закона и сама прекрасно сознавала это.

– Я следователь ФБР. Здесь совершено преступление. До появления представителей городских властей я не имею права никого допустить...

Ассистент оператора ухватился за нижний край двери, пытаясь ее поднять.

– Прекратите, – сказала Старлинг. – Это я вам говорю, сэр. Остановитесь. Отойдите, будьте добры. Я не в игрушки с вами играю. Лучше помогите мне.

Ей сейчас очень не хватало формы, значка – хоть чего-нибудь такого.

– Ладно, Гарри, брось, – сказала Джонетта. – Знаете, следователь, мы готовы всячески сотрудничать с вами. Откровенно говоря, вся эта петрушка очень дорого стоит, и я просто хочу знать, держать ли мою команду здесь до приезда других ответственных лиц. Может, скажете мне – что, там действительно убитый? Камеры выключены, все останется между нами. Скажите мне, и мы подождем. Мы будем паничками, обещаю вам. Ну как, идет?

– На вашем месте я бы подождала, – посоветовала Старлинг.

– Спасибо. Вы не пожалеете, – сказала Джонетта Джон-

сон. – Послушайте, у меня есть кое-какая информация о мини-складах Сплит-Сити. Может, она вам пригодится. Вы не посветите мне на планшет? Посмотрим, может, сейчас прямо и отыщем.

– Машина «Уорлд Ай-ТВ новости» у ворот, Джони, – сообщил Гарри, тот, что пытался открыть дверь.

– Посмотрим, может, сейчас отыщу, следовательно, да вот! Примерно два года тому назад здесь был скандал, когда они попытались доказать, что занимаются перевозками и складированием. Они что, лапшу на уши вешали?

Джонетта что-то слишком часто посматривала за плечо Старлинг.

Старлинг оглянулась и увидела, что оператор лежит на спине, голова и плечи уже скрылись под дверью, а ассистент сидит рядом с ним на корточках, готовясь просунуть под дверь и камеру.

– Эй! – крикнула Старлинг. Она упала на колени на мокрую землю рядом с оператором и потянула его за рубашку. – Вам нельзя туда. Эй! Я же сказала вам – туда нельзя!

Оба парня не переставая уговаривали ее, мягко, просительно:

– Мы же ничего не тронем, мы ведь профессионалы, ты только не волнуйся. Да полиция все равно нас впустит. Все будет нормально, ничего страшного, правда, девушка.

Эта их манера уговаривать – словно дуру девчонку на заднем сиденье машины – совершенно лишила ее самообладания.

ния.

Она бросилась к домкрату с одной стороны двери и принялась работать ручкой. Дверь пошла вниз с режущим слух скрипом. Клэрис снова взялась за ручку. Теперь край двери коснулся груди оператора. Тот не шелохнулся. Убедившись, что он и не собирается вылезать, Старлинг выдернула ручку из гнезда и подошла с ней к распростертому на земле парню. Теперь поле битвы освещали прожекторы уже нескольких телекомпаний. В яростном свете ламп она забарабанила ручкой домкрата по железной двери прямо над оператором, осыпая его пылью и ржавчиной.

– Уделите мне минуту внимания, – сказала она. – Вы не желаете слышать. Разве не так? Вылезайте оттуда. Немедленно. Еще секунда, и вы будете арестованы за сопротивление представителю власти.

– Полегче, детка, – сказал ассистент оператора и положил руку ей на плечо.

Она резко повернулась к нему. За слепящей стеной света кто-то выкрикивал какие-то вопросы, но их заглушили сирены.

– Прочь руки и отвали, подонок!

Она встала ногой на щиколотку оператора и снова повернулась лицом к его ассистенту, по-прежнему сжимая в руке рычаг домкрата. Она не замахнулась на парня. Теперь было уже все равно. Она и так выглядела отвратительно на телевизионных экранах.

Запахи в отделении для буйных в полутьме казались еще отвратительнее; за спиной работал включенный без звука телевизор, и тень Старлинг упала на брусья решетки: Клэрис стояла у клетки доктора Лектера.

Она ничего не могла разглядеть во тьме за решеткой, но не хотела просить дежурного включить свет со своего поста. Осветилось бы все отделение сразу, а она знала, что полицейские из Балтиморского отделения много часов подряд при полном свете орали на Лектера, требуя ответов на свои вопросы. Доктор отказался отвечать, только сложил для них из бумаги курочку, принимавшуюся клевать, когда нажимали ей на хвост. Старший офицер группы со злостью раздавил курочку в больничной пепельнице, выйдя в холл и кивком показав Старлинг, что она может теперь войти.

– Доктор Лектер?

Было так тихо, что она слышала свое дыхание и дыхание тех, дальше по коридору; только в камере Миггза никто не дышал. Камера Миггза была ужасающе пуста. Старлинг ощущала тишину этой камеры всей кожей, словно сквозняк.

Она знала: Лектер наблюдает за ней из темноты. Прошло минуты две. Spина и ноги болели после схватки с дверью гаража, одежда еще не просохла. Она села на пол, подложив пальто и поджав под себя ноги, поодаль от решетки, и, при-

подняв воротник блузы, уложила на него мокрые испачканные волосы, чтобы они не липли к шее.

У нее за спиной, на экране телевизора, проповедник беззвучно воздевал руки горе.

– Доктор Лектер, мы оба знаем, почему я здесь. Они полагают, вы станете отвечать на мои вопросы.

Тишина. По другую сторону коридора кто-то засвистел: «Через море на Гебриды...»

Минут через пять она сказала:

– Странное было чувство, когда я входила туда. Мне хотелось бы когда-нибудь поговорить с вами об этом.

Старлинг подскочила, когда из клетки Лектера выкатился поднос. На нем – чистое, аккуратно сложенное полотенце. Она и не слышала, как Лектер ходил по камере.

Клэрис мгновение смотрела на полотенце, потом, чувствуя, что роняет себя, взяла его и принялась вытирать волосы.

– Спасибо, – выговорила она.

– Почему вы не спрашиваете меня о Буффало Билле?

Его голос прозвучал очень близко, на уровне ее лица. «Он, должно быть, тоже сидит на полу».

– Вам что-то о нем известно?

– Возможно, но мне нужно взглянуть на его дело.

– У меня нет его дела, – сказала Старлинг.

– У вас и этого дела не будет, когда они вас до конца используют.

– Я знаю.

– Вы могли бы достать материалы о Буффало Билле. Рапорты и снимки. Мне хотелось бы на них взглянуть.

«Еще бы вам не хотелось!»

– Доктор Лектер, вы сами все это затеяли. Пожалуйста, расскажите мне об этом человеке из «паккарда».

– Вы обнаружили там целого человека? Странно. Я видел только голову. Как вы полагаете, откуда взялось остальное?

– Ну хорошо. Чья это голова?

– А что вы можете сказать?

– Они успели сообщить только предварительные данные: мужчина, белый, лет двадцати семи, зубы лечил и в Америке, и в Европе. Кто он?

– Возлюбленный Распая. Распая со слюнявой флейтой.

– Каковы были обстоятельства... Как он умер?

– Обиняками разговариваете, офицер Старлинг?

– Нет, я спрошу вас об этом несколько позже.

– Сэкономлю-ка я вам время: я его не убивал. Это Распай. Он обожал моряков. Этот был из Скандинавии, Клаус... не знаю фамилии. Распай мне ее не сообщил.

Голос Лектера раздавался теперь откуда-то снизу. Может быть, он теперь не сидит, а лежит на полу, подумала Старлинг.

– Клаус сошел на берег со шведского судна в Сан-Диего. Распай в это время преподавал там на летних курсах при консерватории. Он совершенно потерял голову из-за этого

шведа. Молодой человек прекрасно знал, с какой стороны хлеб маслом намазан, и сбежал с корабля. Они купили какой-то ужасный автоприцеп и, словно сифиды, носились нагишом по лесам. Распай сказал, что Клаус ему изменял и он его задушил.

– Распай сам вам сказал об этом?

– О да. Я был связан врачебной тайной: ведь он поведал мне об этом во время лечебного сеанса. Я думаю, он лгал. Он был весьма склонен приукрашивать факты. Ему так хотелось казаться романтическим и опасным. Вполне возможно, что швед скончался от асфиксии во время каких-нибудь банальных эротических забав. Распай был слишком слабым и дряблым, чтобы задушить молодого моряка. Вы обратили внимание, как высоко Клаус подрезан? Под самую челюсть. Возможно, для того, чтобы скрыть странгуляционную борозду. Вполне возможно, что он был повешен.

– Понятно.

– Мечта Распая о счастье рухнула. Он упаковал голову Клауса в спортивную сумку и возвратился на восток.

– А что он сделал со всем остальным?

– Похоронил в горах.

– Он показал вам эту голову в автомобиле?

– О да. В процессе лечения он пришел к убеждению, что может рассказывать мне абсолютно обо всем. Он часто отправлялся в гараж посидеть с Клаусом в машине и даже показывал ему «валентинки».

– А потом и сам Распай... умер. От чего?

– Откровенно говоря, мне до смерти надоело его ныть. Да и для него самого это было наилучшим исходом. Лечение не давало результатов. Я полагаю, у большинства психиатров временами бывают один-два пациента, которых они были бы не прочь передать в мои руки. Я никогда раньше не говорил об этом, а сейчас мне уже наскучила эта тема.

– А обед, который вы дали в честь руководителей оркестра?

– А разве с вами такого не бывало, когда перед приходом гостей у вас нет времени сходить в магазин? Поневоле обходитесь тем, что у вас есть в холодильнике, Клэрис. Могу я называть вас Клэрис?

– Да. Я думаю, тогда и я буду называть вас...

– Доктор Лектер. Это более всего соответствует вашему возрасту и положению, – ответил он.

– Хорошо.

– Что же вы почувствовали, входя в гараж?

– Страх.

– Отчего?

– Там полно мышей и пауков.

– У вас есть какой-то способ, которым вы пользуетесь, когда хотите приободриться, вернуть самообладание? – спросил доктор Лектер.

– Насколько я знаю – ничего такого, что бы помогало. Кроме желания достичь поставленной цели.

- Какие-нибудь воспоминания или картины возникают в вашем мозгу в таких случаях независимо от вашей воли?
- Может быть. Я как-то не задумывалась над этим.
- Что-нибудь из вашего детства?
- Мне надо вспомнить.
- Что вы почувствовали, когда узнали о судьбе моего покойного соседа – Миггза? Вы меня о нем не спросили.
- Я собиралась это сделать.
- Вас обрадовало это известие?
- Нет.
- Опечалило?
- Нет. Это вы его уговорили?
- Доктор Лектер тихонько засмеялся:
- Вы хотите спросить меня, офицер Старлинг, подстрекал ли я мистера Миггза к «преступному» самоубийству? Не глупите. И все же в этом есть некая весьма приятная симметрия – Миггз проглотил свой, оскорбивший вас, язык. Вы согласны со мной?
- Нет.
- Офицер Старлинг, вы мне солгали. Впервые солгали мне. *Tristement*, сказал бы Трумэн¹⁷.
- Президент Трумэн?
- Это не имеет значения. Как вы думаете, почему я вам

¹⁷ Доктор Лектер имеет в виду американского писателя Трумэна Капоте, автора известных романов «Завтрак у Тиффани» (1958) и «Обыкновенное убийство» (1966).

помог?

– Не знаю.

– Вы нравитесь Джеку Кроффорду, верно?

– Не знаю.

– Это, может быть, тоже неправда. А вам понравилось бы, если бы вы ему нравились? Скажите, вы испытываете желание угодить ему и беспокоит ли вас это? Вы опасаетесь этого желания?

– Все хотят нравиться, доктор Лектер.

– Не все. Как вы думаете, Джек Кроффорд хочет вас? Я знаю – ему сейчас очень трудно. Как вы думаете, он представляет себе... визуально... сценарно... как он спит с вами?

– Доктор Лектер, мне абсолютно неинтересна эта тема, и, кроме того, вы задаете мне вопросы, которые мог бы задавать Миггз.

– Уже не может.

– Это вы внушили ему, чтобы он проглотил язык?

– Вы так грамматически правильно строите вопросы, совсем как в вашем опроснике. А тут еще ваше прекрасное произношение... Так и несет трудовым потом. Вы, несомненно, нравитесь Кроффорду, он считает, что профессионально вы вполне компетентны. Разумеется, странная последовательность событий не ускользнула от вашего внимания, Клэрис: вы получили помощь и от Кроффорда, и от меня. Вы говорите, что не знаете, почему Кроффорд помогает вам. Знаете ли, почему помог я?

– Нет, скажите мне.

– Вы полагаете, что мне приятно смотреть на вас и думать, как бы я съел вас, какой у вас был бы вкус?

– А это действительно так?

– Нет. Мне нужно получить от Кроффорда кое-что, и я хочу выменять у него это. Но он не хочет прийти повидаться со мной. Он не желает просить меня помочь с делом Буффало Билла, хотя прекрасно понимает – еще не одна молодая женщина погибнет, если этого Билла не остановить.

– Я не могу этому поверить, доктор Лектер.

– Мне нужно от него совсем немного. Это очень просто. Он может это сделать.

Лектер медленно повернул реостат – в клетке зажегся свет. Теперь в ней не осталось ни книг, ни рисунков. Не было даже стульчака. В наказание за смерть Миггза Чилтон забрал из камеры все, кроме самого необходимого.

– Я прожил в этой комнате восемь лет, Клэрис. Я знаю, меня никогда, ни за что не выпустят отсюда живым. Мне нужен вид из окна – это все, чего я прошу. Мне нужно окно, из которого я мог бы видеть дерево или хотя бы воду.

– Разве ваш адвокат не подавал ходатайства?..

– Чилтон поставил в холле телевизор, настроив на канал, передающий исключительно религиозную программу. Как только вы уйдете, дежурный включит звук на полную мощность, и мой адвокат ничего не может с этим поделать, ведь отношение суда ко мне теперь переменялось. Я хочу, что-

бы меня перевели отсюда в федеральную больницу, вернули книги, и я хочу, чтобы был вид из окна. Я дам за это хорошую цену, Клэрис. Крофорд может это сделать. Попросите его.

– Я могу передать ему все, что вы сказали.

– Он не обратит внимания. А Буффало Билл не остановится. Подождите, вот он оскальпирует одну, и посмотрите, как вам это понравится. Ммм... Я скажу вам одну вещь про Буффало Билла, хоть и не видел дела, и через многие годы, когда его наконец поймают – если смогут, разумеется, – вы убедитесь, что я был прав и мог бы помочь. Мог бы спасти несколько жизней. Клэрис...

– Да?

– Буффало Билл живет в двухэтажном доме, – сказал доктор Лектер и выключил в камере свет.

Больше он не сказал ни слова.

Клэрис Старлинг, прислонившись к игорному столу (занятия шли в учебном казино ФБР), пыталась сосредоточиться на проблемах отмывания денег в игорных заведениях. Прошло тридцать шесть часов с тех пор, как она представила свой отчет в Балтиморскую окружную полицию. Печатала отчет (двумя пальцами!) машинистка, прикуривавшая одну сигарету от другой. «Попробуй, может, сумеешь открыть вон то окно, если дым тебе мешает». Потом Старлинг отправили назад в Квонтико, напомнив, что убийство не подпадает под юрисдикцию федеральных органов.

Вечером в воскресенье по всем телеканалам прошла сцена битвы с телеоператорами, и Старлинг не сомневалась, что села в хорошую лужу. И за все это время – ни слова от Крофорда, ни слова из Балтиморского отделения ФБР. Как будто она просто бросила свой отчет в выгребную яму.

Казино, где она сейчас стояла, было тесным и маленьким: оно когда-то разъезжало в автоприцепе, пока не было конфисковано ФБР. Теперь его использовали как учебное пособие для курсантов академии. Узкая, не очень длинная комната была набита полицейскими из самых разных мест. Старлинг уже отказалась – с благодарностью – от нескольких стульев, предложенных ей поочередно двумя техасскими рейнджерами и детективом из Скотленд-Ярда.

Остальные курсанты ее группы находились сейчас на другой стороне здания академии, в «спальне, где совершено преступление на сексуальной почве», отыскивая волосы преступника на ковровом покрытии, взятом из настоящего мотеля, и в «банке города N», пытаясь обнаружить отпечатки пальцев. Но Старлинг провела такое количество часов, разыскивая вещественные доказательства и отпечатки пальцев, когда специализировалась по криминологии в университете, что теперь ее послали на эту лекцию – часть курса для приезжих сотрудников правоохранительных органов.

Она подумала: может, есть и другая причина, почему ее отделили от остальных; может, прежде чем выгнать, тебя изолируют от сокурсников?

Опершись локтями о стол для игры в кости, Старлинг снова попыталась вникнуть в то, что говорилось об отмывании денег в игорных заведениях. Вместо этого в голову ей лезли мысли о том, как не любит ФБР, когда его сотрудники появляются на телеэкранах, если речь не идет об официальных пресс-конференциях, разумеется.

Доктор Ганнибал Лектер был лакомым куском не только для радио и телевидения, но и для газет, и балтиморская полиция с радостью сообщила репортерам фамилию Клэрис. Снова и снова видела она себя такой, какой предстала перед зрителями вечерних ТВ-новостей в воскресенье. Вот она – «Старлинг из ФБР» – в Балтиморе, грохочущая ручкой домкрата по железной двери гаража над вползающим под эту

дверь оператором. А вот «Агент ФБР Старлинг» угрожающе поворачивается к ассистенту оператора с той же ручкой домкрата, зажатой в кулаке.

Соперничающая с этой компанией «Уорлд пикчерз», которой так и не удалось отснять собственный фильм, объявила, что подает в суд на «Старлинг из ФБР» и на само Бюро за нанесение телесных повреждений, потому что телеоператору в глаза попали пыль и кусочки ржавчины, когда Старлинг колотила по двери.

Джонетта Джонсон в передаче «От моря и до моря» выступила с заявлением, что Старлинг отыскала останки убитого в гараже благодаря «непонятной и внушающей ужас связи с человеком, которого медицинские и судебные авторитеты считают ЧУДОВИЩЕМ!». Не оставалось сомнений, что у «Уорлд пикчерз» был в больнице собственный источник информации.

«НЕВЕСТА ФРАНКЕНШТЕЙНА!» – вопил с книжных прилавков в супермаркетах «Нэшнл тэтлер».

От ФБР комментариев в печати не последовало, но Клэрис не сомневалась, что в самой конторе их было достаточно.

За завтраком один из ее сокурсников, молодой человек, от которого вечно несло дешевым лосьоном, назвал ее «наша Мелвин Пелвис»¹⁸, бездарно обыграв имя Мелвина Первиса, гуверовского агента номер один в тридцатые годы. Арделия

¹⁸ **Пелвис** (лат.) – таз у человека и большинства позвоночных.

Мэпп ответила молодому человеку что-то такое, от чего он побледнел и ушел, оставив на столе недоеденный завтрак.

Неожиданно Старлинг обнаружила, что ею овладело странное безразличие – она больше ничему не удивлялась. Целый день и целую ночь она ощущала вокруг себя звенящую тишину, словно водолаз, опустившийся глубоко в море. Теперь она решила защищаться, если только представится случай.

Преподаватель вращал колесо рулетки, давая пояснения, но ни разу так и не выпустил из рук шарика. Глядя на него, Клэрис ни на минуту не усомнилась, что за всю свою жизнь этот человек никогда так и не решился выпустить из рук шарик рулетки. Но сейчас он, кажется, еще что-то сказал. «Клэрис Старлинг». «При чем тут Клэрис Старлинг? Это же я!» – Да? – сказала она.

Преподаватель указал подбородком на дверь за ее спиной. Ну вот, началось. Парка¹⁹, прядшая нить ее судьбы, испуганно замерла. Но оказалось, что это всего лишь преподаватель огневой подготовки Бригем, заглянувший в дверь казино. Когда он понял, что Старлинг его увидела, он жестом вызвал ее в коридор.

Она подумала было, что ее выгоняют, но потом решила, что сообщать об этом не входит в обязанности Бригема.

– По коням, Старлинг. Где ваша полевая форма? – спро-

¹⁹ **Парка** – в римской мифологии богиня судьбы, прядущая и обрезающая нить человеческой жизни.

сил он ее в коридоре.

– У меня в комнате, в корпусе «В».

Ей пришлось ускорить шаг, чтобы держаться с ним вровень. Бригем нес следственный чемоданчик со всем необходимым для обнаружения отпечатков пальцев и прочего – большой, не учебный, которым пользовались на занятиях, а настоящий – и небольшой парусиновый мешок.

– Вы отправляетесь с Джеком Кроффордом, сегодня. Возьмите все нужное на сутки. Может, вернетесь раньше, но возьмите на всякий случай.

– Куда?

– Охотники на уток в Западной Виргинии обнаружили в Элк-ривер труп рано на рассвете. Похоже, дело рук Буффало Билла. Помощники шерифа должны доставить труп куда надо. Это где-то у черта на рогах, и Джек не собирается ждать, чтоб эти парни сообщили ему детали. – Бригем остановился у входа в корпус «В». – Ему нужен кто-нибудь, кто может снять отпечатки с топляка, не говоря уж ни о чем другом. Вы здорово вкалывали на лабораторке, так что сможете, верно?

– Ага-а-а. Дайте-ка я проверю, все ли на месте.

Бригем открыл чемоданчик и держал его так, пока она вынимала лотки. Пробирки, ампулы, шприцы и иглы – все было на месте, не было лишь фотоаппарата.

– Мне понадобится «ПолярOID СУ-пять», мистер Бригем, и пленки, и батарейки к нему.

– Из подсобки? Заметано. Держите.

Он протянул ей парусиновый мешок. Взяв его в руку и почувствовав, сколько он весит, Клэрис поняла, почему за ней пришел именно Бригем.

– Вам ведь еще не выдали табельное оружие?

– Нет.

– Нужно бы полностью экипироваться. Тут вот ствол, вы такой на полигоне пристреливали; здесь еще сбруя и все остальные причиндалы. Это мой револьвер. Был в деле, но я его как следует вычистил. Пощелкайте вхолостую вечером у себя в номере, если будет возможность. Я достану фотоаппарат и буду ждать в машине за корпусом ровно через десять минут. И вот что. «Голубое каноэ» – не президентский самолет, и там негде оправиться. Так что не забудьте кой-куда сбегать, пока время есть, мой вам совет. Раз-два, Старлинг.

Она попыталась у него что-то спросить, но он уже ушел. «Должен быть Буффало Билл, если Крофорд сам едет. Черт его знает, что это за «Голубое каноэ»? Стоп. Когда складываешься, думай о том, что складываешь». Старлинг уложилась быстро, ничего не забыв.

– Как?.. – начала она, садясь в машину.

– Нормально. – Бригем ответил, не дав ей договорить. – Ручка чуть выпирает из-под пиджака, да и то если приглядываться, а так все о'кей.

Короткоствольный револьвер удобно устроился в плоской кобуре у нее под пиджаком, прижавшись к ребрам, а скорозарядное устройство – на поясе с другого бока.

Бригем вел машину к служебному аэродрому Квонтико на предельно допустимой скорости. Неожиданно он откашлялся и сказал:

– В нашей работе на полигоне есть свой плюс – никакой политики.

– Да?

– Вы правильно не дали этим шкетам впереться в гараж в Балтиморе. Переживаете из-за ТВ, да?

– А надо?

– Мы ведь просто разговариваем, вдвоем, между собой, верно?

– Верно.

Бригем помахал морскому пехотинцу-регулировщику в ответ на его приветствие.

– Джек вас берет с собой сегодня. Это такой знак доверия, что всем все сразу будет ясно и понятно. Ну, если, скажем, – продолжал он, – кто-нибудь из Инспекции личного состава вызовет вас на ковер и начнет бурчать, вроде у него кишка с кишкой разговаривает, – понимаете меня?

– Угу.

– Кроффорд своих в беде не бросает. Кроффорд дал понять где надо, что вы должны были не пустить их туда. Он ведь вас туда голенькой отпустил, ну, я хочу сказать, без таких знаков власти, которые и олуху видны. Он про это тоже сказал. Да и парни из балтиморской окружной хороши – сколько времени ехали. Ну и конечно, сегодня Кроффорду нужен

помощник, а если б он к Джимми Прайсу послал, за кем-нибудь из лаборатории, ему б ждать пришлось не меньше часа. Так что все так сложилось, что только вам и работать, Старлинг. И должен вам сказать: работка с топляком – это не на пляже загорать. И это не в наказание вам, но если кому-то из других отделов вздумается понять именно так, пусть себе. И еще: Кроффорд – он здорово все понимает, только много говорить не любит, вот я вам и объясняю, что к чему... А раз вы с Кроффордом работаете, вы наверняка знаете, что у него дома. Знаете ведь, верно?

– Да нет, не знаю.

– У него есть о чем думать и помимо Буффало Билла. У него жена, Белла, совсем плоха. Она... ну, можно сказать, в безнадежном состоянии. Он забрал ее из больницы, и она лежит дома. Если б не Буффало Билл, Джек взял бы отпуск по семейным обстоятельствам.

– Я правда не знала.

– У нас это не обсуждается. Не говорите ему, что вы, мол, сожалеете или как там еще, от этого ему не легче... им хорошо было вместе...

– Спасибо, что вы мне сказали.

Бригем посветлел лицом, когда они въехали на поле аэродрома.

– В конце курса огневой подготовки я собираюсь произнести парочку речей: мне есть что сказать. Смотрите не пропустите, Старлинг, это важно.

Машина виляла между ангарами – Бригем выбирал кратчайший путь.

– Обязательно.

– Послушайте, то, чему я учу, может, вам никогда и не пригодится. Надеюсь, что не пригодится. Но у вас есть способности, Старлинг. Если придется стрелять, у вас получится как надо. Упражняйтесь.

– Обязательно.

– Никогда не кладите оружие в сумочку.

– Хорошо.

– Потренируйтесь у себя в номере перед сном, как его побыстрее выхватить. Найдите самое удобное положение.

– Обязательно.

Почтенного возраста двухмоторный «бичкрафт» стоял на взлетной полосе служебного аэродрома Квонтико. Дверь была открыта. Один из пропеллеров уже вращался, волнуя траву за полосой.

– Так это его зовут «Голубым каноэ»?

– Точно.

– Такой маленький и такой старый?

– Очень старый, – весело сказал Бригем. – Управление по борьбе с наркотиками захватило его тыщу лет назад на юге Флориды, когда он шлепнулся в болото. Ну, сейчас-то он в полном порядке, механики здорово поработали. Надеюсь только, никто наверху не узнает, что мы его используем: нам полагается только автобус.

Он подъехал к маленькому самолету и взял вещи Старлинг с заднего сиденья. Произошло некоторое замешательство, руки были заняты, но он все же ухитрился одновременно вручить ей вещи и крепко пожать руку.

А затем, неожиданно для самого себя, Бригем вдруг сказал:

– С богом, Старлинг.

Странно было услышать такое от офицера морской пехоты. Да и сам он не понимал, откуда это вдруг взялось, и почувствовал, как жарко стало лицу.

– Спасибо... Спасибо большое, мистер Бригем.

Крофорд сидел в кресле второго пилота, без пиджака, в темных очках. Он повернулся к Старлинг, услышав, как пилот захлопнул дверь.

Глаза его были скрыты за темными стеклами очков, и она подумала, что совсем его не знает. Крофорд показался ей бледным и жестким, словно корень, вывернутый на поверхность отвалом бульдозера.

– Устраивайтесь и читайте, – сказал он.

Толстая папка с делом лежала позади него на сиденье. На обложке значилось: БУФФАЛО БИЛЛ. Старлинг крепко прижала папку к себе: самолетик вдруг взревел, дернулся и покатился по взлетной полосе.

Края взлетной полосы расплылись и исчезли. На востоке блеснул луч солнца, отразившись от вод Чесапикского залива. Крохотный самолетик лег на курс.

Клэрис Старлинг смогла разглядеть внизу академию и вокруг нее здания военно-морской базы Квонтико. На полигоне крохотные фигурки морских пехотинцев, вдруг поднявшись с травы, бросились бежать. Довольно беспорядочно.

Вот как, оказывается, все это выглядит сверху.

Как-то раз, после вечерних занятий на стрельбище – отработывали навыки стрельбы в темноте, – Клэрис возвращалась домой. Задумавшись, она медленно шла по опустевшим проулкам, а в небе над ней рокотали самолеты. Но вот их рокот смолк, и в наступившей вдруг тишине в черном небе зазвучали, перекликаясь, голоса – это десантники отработывали ночные прыжки с парашютом. Они окликали друг друга, спускаясь на землю сквозь ночную тьму. И Клэрис подумала: а что чувствует человек, ожидая, что вот загорится сигнал у двери самолета и нужно прыгать? Что он чувствует, бросаясь в воющую тьму за бортом?

Может быть, то, что чувствует сейчас она?

Она раскрыла папку.

Насколько им было известно, этот Билл совершил пять убийств. По меньшей мере пять, а может, и больше, за по-

следние десять месяцев. Он похищал женщину, убивал и сдирал с нее кожу. (Старлинг поспешно просмотрела протоколы вскрытия, чтобы по результатам анализов убедиться, что он сначала убивал их, а потом делал все остальное.)

Покончив с очередной жертвой, он сбрасывал ее тело в воду там, где течение было достаточно быстрым. Каждый новый труп обнаруживали в какой-нибудь другой реке, вниз по течению от пересечения нескольких шоссе из разных штатов. Все знали, что Буффало Билл переезжает с места на место. Это было практически все, что знали о нем представители закона, действительно все, кроме, пожалуй, того, что у него был по крайней мере один револьвер. Судя по пулям, извлеченным из тел убитых им женщин, это был револьвер тридцать восьмого калибра, видимо «кольт» (на всех пулях были следы шести левых нарезков), и парень предпочитал специальные мощные патроны – «магнум-357».

Речная вода уничтожала отпечатки пальцев, смывала волосы и волокна, не оставляя никаких следов убийцы, никаких улик.

Он почти наверняка был белым и мужского пола: белым, потому что серийные убийства преступник совершает обычно в пределах своей этнической группы; мужского пола – потому что серийные убийства, совершаемые женщинами, в наше время практически неизвестны. Ведущие колонки криминальных новостей одной из центральных газет озаглавили свой материал в ведущей городской газете строкой

из кошмарного стихотворения Э. Э. Каммингса²⁰ «Буффало Билл»: «...как нравится тебе твой синеглазый мальчик, о Леди Смерть?»

Кто-то, может и сам Крофорд, приклеил этот заголовок к внутренней стороне папки с делом Буффало Билла.

Не было обнаружено прямой связи между местом похищения жертвы и местом, где ее труп сбрасывали в воду.

В нескольких случаях труп находили достаточно быстро, чтобы можно было определить время смерти, и полиция выяснила еще одно характерное обстоятельство: Билл не сразу убивал своих жертв. Женщины оставались в живых еще неделю, а то и десять дней после того, как были похищены. Это означало, что у него есть место, где их держать, где он может действовать, не привлекая ничьего внимания. Это означало, что он не бродяга и имеет постоянное место жительства. Он вроде ядовитого паука в черной дыре люка. И у него есть нора. Неизвестно где.

Он убивал не сразу. Это казалось страшнее всего: ведь целую неделю, а то и дольше каждая из них знала, что ее убьют.

Двух он повесил. Трех застрелил. Не было следов изнасилования или нанесения увечий до наступления смерти, и в протоколах вскрытия не было отмечено никаких «специфических повреждений половых органов», хотя патологоанато-

²⁰ Каммингс Эдвард Эстлин (1894–1962) – американский писатель, первоначально привлечший к себе внимание изощренной техникой письма и экспериментами с типографским оформлением публикаций, а также скандальной откровенностью языка и острой сатиричностью произведений.

мы утверждают, что в тех случаях, когда трупы пробыли в воде слишком долго, обнаружить такие повреждения было бы практически невозможно.

Все жертвы были найдены обнаженными. В двух случаях у дороги, недалеко от места похищения, обнаружили принадлежавшие похищенным вещи, причем верхнее платье на спине было разрезано, как погребальная одежда.

Старлинг заставила себя просмотреть и фотографии. Из всех мертвецов, с которыми приходится иметь дело, утопленники – с физиологической точки зрения – хуже всего. Кроме того, в них есть еще и что-то глубоко трагичное, как и в любой жертве убийства на улице. Унизительность положения, в котором оказалась жертва, разрушительное воздействие стихий, неделикатность чужих равнодушных глаз – все это вызывает гнев, если только твоя работа позволяет тебе испытывать гнев.

Довольно часто, если убийство совершено в доме, свидетельства о недостойном поведении убитого, о жертвах жертвы – избитая жена, изувеченные дети – словно толпятся вокруг, нашептывая тебе, что уж этот-то получил по заслугам; во многих случаях так оно и бывает.

Но эти женщины – чем они заслужили такое? Их находили среди пустых пивных банок и бутылок, промасленных пакетов от бутербродов, среди столь привычной нам грязи и мерзости, не просто без одежды – без кожи. У тех из них, что погибли в холодную погоду, лица сохранились почти нетрону-

тыми. Старлинг напомнила себе, что рты этих жертв искажены не от боли – это впечатление создавалось оттого, что рыбы и черепахи успели потрудиться над ними. Буффало Билл сдирал кожу с торса, обычно не трогая нижнюю часть тела и ноги.

Было бы не так тяжело смотреть на них, уговаривала себя Клэрис, не будь в кабине так жарко и не ползи этот чертов самолет как улитка; да тут еще пропеллеры завывают неровно, словно один из них ввинчивается в воздух не так, как другой, а проклятое солнце сквозь исцарапанное окно впирается в висок ноющей болью.

Его можно поймать. Старлинг ухватила за эту мысль, с ней легче было высидеть в невозможной, становящейся все теснее и теснее кабине крохотного самолетика с кипой устрашающих фактов в папке на коленях. Она поможет остановить это чудовище. И тогда чуть липнущую к пальцам блестящую папку положат на место, задвинут ящик и защелкнут замок.

Она задумалась, уставившись Кроффорду в затылок. Если она хочет остановить Буффало Билла, она на верном пути. Если его вообще можно поймать, то только в этой команде. Кроффорд сумел взять трех преступников, совершивших серийные убийства. Не без потерь, это правда. Уилл Грэм, самая классная гончая в своре Кроффорда, о нем в академии ходили легенды; теперь он живет и пьет во Флориде, и на его лицо невозможно смотреть – так говорят о нем в конторе.

Наверное, Крофорд почувствовал ее пристальный взгляд. Он выбрался из кресла второго пилота, перешел в салон и, сев рядом с Клэрис, пристегнул ремень. Пилот легким движением выровнял самолет. Когда Крофорд снял темные очки и взглянул на нее сквозь бифокалы²¹, Старлинг снова почувствовала, что перед ней человек, которого она давно знает.

Бросив взгляд на папку с делом Буффало Билла, Крофорд снова всмотрелся в лицо Клэрис, и нечто – какая-то тень – промелькнуло в его глазах. Будь у него более выразительная физиономия, можно было бы предположить, что это тень сожаления и сочувствия.

– Я зажарился, а вы? – сказал он. – Бобби, тут чертовски жарко, – окликнул он пилота.

Бобби что-то где-то повернул, и салон заполнил холодный воздух. Несколько снежинок, покружившись, опустились на волосы Старлинг.

Теперь перед ней был Джек Крофорд, вышедший на охоту. Глаза его смотрели ясно и холодно, как смотрит в окно морозный зимний день. Крофорд раскрыл папку там, где была карта центральных и восточных штатов. Места, где обнаружены тела жертв, отмечены на карте россыпью точек, очертаниями слегка напоминающей созвездие Орион – такой же ничего не говорящей и неправильной формы.

²¹ **Бифокалы** – здесь: очки с двухфокусными линзами; верхняя часть такой линзы обычно предназначается для дальнего, нижняя – для ближнего видения.

Крофорд вынул из кармана ручку и поставил новую точку – отметил место, куда они теперь направлялись.

– Элк-ривер, шестью милями ниже федерального шоссе номер семьдесят девять, – сказал он. – Тут нам повезло. Тепло запуталось в рыболовных снастях. Полагают, она не так уж долго пробыла в воде. Теперь ее везут в Поттер, в окружной центр. Надо выяснить, кто она такая, и в темпе, чтобы разыскать свидетелей похищения. Мы разошлем отпечатки полис-факсом, как только их получим. – Крофорд откинулся назад и взглянул на Старлинг через нижнюю часть очков. – Джимми Прайс говорит, вы умеете работать с топляками.

– По правде говоря, мне не приходилось работать с целым утопленником, – ответила Старлинг. – Я снимала отпечатки пальцев с рук, которые мистеру Прайсу присылают по почте фактически ежедневно. Довольно много было и рук утопленников.

Те, кто никогда не работал под началом Джимми Прайса, считают его милейшим человеком, хоть и малость скуповатым. На самом же деле он мерзкий старикашка, как все скупердяи. Джимми Прайс заведует отделом дактилоскопии Центральной лаборатории ФБР в Вашингтоне. Старлинг проходила у него практику в качестве младшего научного сотрудника по оперативно-следственной процедуре.

– Ох этот Джимми! – сказал Крофорд, и глаза его потеплели. – Как там называют эту работку?

– Не работка, а работник называется «лабораторная кры-

са», хотя некоторые предпочитают называться Игорь²² – по надписи на резиновых фартуках, которые там выдают...

– Вот-вот.

– Там советуют делать вид, будто препарлируешь лягушку.

– Понятно.

– Потом вручают пришедшую по почте посылку. И все наблюдают. Некоторые даже прибегают из кафетерия в надежде, что тебя сейчас вывернет наизнанку. Да, я могу работать с топляком, без проблем. Фактически...

– Прекрасно. Теперь смотрите сюда. Первая известная нам жертва была обнаружена в Блэкуотер-ривер, штат Миссури, недалеко от Лоун-Джека. Июнь прошлого года. Мисс Биммел. Нам сообщили, что она пропала из Белведера, штат Огайо, пятнадцатого апреля, за два месяца до того, как нашли труп. Нам не так уж много удалось выяснить: понадобилось еще около трех месяцев, только чтобы установить ее личность. Вторую жертву он захватил в Чикаго в третьей декаде апреля. Ее нашли в реке Уобаш, в центре города Лафайетт, штат Индиана, всего через десять дней после похищения, так что мы могли точно определить, что с ней произошло. Следующей была белая женщина чуть старше двадцати лет; она сброшена в Роллинг-Форк около шоссе номер шестьдесят пять, в тридцати пяти милях от Луисвилла, что в Кентукки. Ее так и не опознали. Потом эта женщина – Вар-

²² Намек на имя полусумасшедшего горбуна, ассистента доктора Франкенштейна, в фильме Дж. Уэйла по роману Мэри Шелли.

нер, похищенная в Эвансвилле, штат Индиана, которую он сбросил в Эмберасс, чуть ниже федерального шоссе номер семьдесят в Восточном Иллинойсе. Оттуда он подался на юг и бросил еще один труп в реку Конасога, пониже Дамаска, в Джорджии. Это рядом с шоссе номер семьдесят пять, тоже федеральным. Это была мисс Киттридж из Питтсбурга – вот ее фотография на выпускном вечере. Ему просто дьявольски везет: никто никогда не видел, как он их похищает. И кроме того, что он бросает трупы в воду всегда неподалеку от федеральных шоссе, никакой четкой модели нам выявить не удалось.

– А если проследить все самые насыщенные транспортом маршруты в обратном направлении от тех мест, где он сбрасывал трупы в воду, они нигде не сходятся в одну точку?

– Нет.

– А если... допустить... что он избавляется от трупа и похищает новую жертву во время одной и той же поездки? – спросила Старлинг, старательно избегая запретного слова «предположить». – Сначала он сбрасывает труп в реку, верно? На всякий случай, вдруг попадетсЯ, похищая следующую жертву. Тогда, если его схватят, максимум, что ему грозит, – обвинение в разбойном нападении, и, признав себя виновным, он получит минимальный, а то и условный срок. Это если у него в машине не найдут труп. Что, если провести векторы в обратном направлении от каждого места похищения через то место, где он сбросил тело жертвы в воду в преды-

душий раз? Вы уже пробовали, да?

– Хорошая мысль. Только ему в голову она тоже приходила. Если он и совершает это за одну и ту же поездку, то ездит зигзагами. Мы провели компьютерный анализ, имитируя его маршруты: сначала к западу по федеральным шоссе, потом на восток, потом варьируя самые разные направления, опираясь на наиболее точные даты похищений и сбросов в воду. Ввели эти данные в компьютер, и его понесло: Билл обитает на востоке, заявляет он. Цикл Билла не зависит от лунного цикла, не соотносится со сроками проведения съездов и конференций в близлежащих городах, сообщает он далее. Ничего существенного, за что можно зацепиться. Билл работает с оглядкой на нас, Старлинг.

– Вы считаете, он слишком осторожен, чтобы свернуть себе шею?

Крофорд кивнул:

– Вот именно. Он научился выстраивать свои взаимоотношения с нами, и я не питаю больших надежд на то, что он в конце концов свернет себе шею. Суицидом тут и не пахнет.

Крофорд налил из термоса воды в чашку и передал пилоту. Еще одну налил для Клэрис, а себе приготовил алка-зельцер.

Самолет пошел вниз, и Клэрис почувствовала, как внутри у нее все устремилось вверх, к горлу.

– И вот еще что, Старлинг. Мне нужен не только ваш первоклассный профессионализм. Я жду от вас гораздо больше-

го. Вы немногословны, это хорошо, я и сам такой. Но никогда не ждите, пока соберете новые факты, если хотите мне что-то сообщить. Глупых вопросов не бывает. Вы можете заметить то, чего не заметил я, и мне нужно знать, что именно привлекло ваше внимание. Может быть, у вас есть особый дар – видеть. Мы с вами получили неожиданную возможность проверить, так ли это.

Вслушиваясь в его слова, борясь с тошнотой, подкатившей к горлу, с трудом сохраняя на лице достаточно пристойное выражение, Старлинг думала: интересно, давно ли он решил подключить ее к разработке этого дела? Хочет подстегнуть ее стремление не упустить свой шанс? Он ведь руководитель, лидер и прекрасно знает все эти штучки, всю эту баланду про открытость и откровенность в отношениях с подчиненными.

– Когда много думаешь о нем, видишь места, где он побывал, начинаешь вроде чувствовать его изнутри, – продолжал Крофорд. – Перестаешь постоянно его ненавидеть, как ни трудно в это поверить. Потом, если повезет, из всей известной тебе информации какая-то часть вдруг начинает беспокоить тебя, требует к себе внимания. Всегда сообщайте мне, если что-то потребует вашего внимания, Старлинг. И вот еще что. Преступление само по себе вещь запутанная, расследование же порой запутывает его еще больше. Не позволяйте сворам полицейских сбить вас с толку. Будьте самостоятельной, Старлинг, оберегайте свой взгляд на вещи. При-

слушивайтесь к себе. Не позволяйте преступлению вторгаться в вашу жизнь, в то, что происходит вокруг, – оно должно быть отдельно от вас. Не пытайтесь навязать собственную модель этому парню. Будьте открыты восприятию иного – и он сам проявит себя. И еще: в этом расследовании – всякой твари по паре. Оно подлежит юрисдикции различных ведомств, во главе некоторых из них стоят люди, порой не очень-то везучие. Но и с ними нужно установить добрые отношения, чтобы от нас ничего не утаивали. Мы летим в Поттер, в Западную Виргинию. Я ничего не знаю о людях, которых мы там встретим. Может, они просто замечательные. Но может случиться, что они примут нас как гастролеров-пенкоснимателей.

Пилот сдвинул с уха один наушник и проговорил через плечо:

– Последний заход, Джек. Ты остаешься в салоне?

– Ага, – ответил Крофорд. – Лекция окончена, Старлинг.

Ну вот и Поттер. Здание городского похоронного бюро – самый большой дом на Поттер-стрит, белый, каркасный, и полицейские власти округа Рэнкин, штат Западная Виргиния, используют его специальные помещения как морг. В качестве коронера выступает частнопрактикующий семейный врач, доктор Эйкин. Если он вынесет заключение, что причина смерти неясна, тело переправят в соседний округ, в Клакстонский региональный медцентр, где есть штатный патологоанатом.

Все это объяснил Кроффорду помощник шерифа еще в полицейском фургоне, по дороге с аэродрома. Помощник шерифа вел машину, а Клэрис Старлинг сидела сзади. Ей пришлось прижаться к решетке, отделявшей помещение для арестованных от кабины, чтобы расслышать его слова.

В ритуальном зале начиналась служба. Пришедшие на похороны, в своих лучших, давно вышедших из моды костюмах, выстроились в ряд на тротуаре между тощими самшитовыми деревцами и группками стояли на ступенях, ожидая, когда можно будет войти. Свежеокрашенный дом, крыльцо и ступени несколько покосились, и все – в разные стороны.

На стоянке позади дома, под облетевшим вязом, рядом с похоронными дрогами стояли два молоденьких помощника шерифа и один пожилой; с ними – двое из дорожной поли-

ции. Было не очень холодно, даже парок изо рта не шел.

Старлинг вглядывалась в этих мужчин, пока фургон въезжал на стоянку. Достаточно было взглянуть – и она все о них знала. Она знала: в их домах нет встроенных шкафов, там стоят шифоньеры, и она знала, какая одежда в этих шифоньерах хранится. Она знала: у этих людей есть родственники, чья одежда висит в пластиковых мешках на стенах жилых автоприцепов. Знала, что старший из них вырос в доме с водопроводной колонкой у крыльца и выбегал за калитку к школьному автобусу, шлепая по грязи босиком, с ботинками на связанных шнурках через плечо, точно так, как когда-то ее отец. Она знала: они носили завтраки в школу в насквозь промаслившихся бумажных пакетах, потому что пакеты эти использовались не один раз, и, съев свой завтрак, они аккуратно складывали пакет и засовывали его в задний карман джинсов.

«Интересно, что знает о них Крофорд?»

На задних дверях полицейского фургона не было ручек изнутри; Старлинг обнаружила это, когда Крофорд вместе с водителем вышел из машины и направился к заднему крыльцу похоронного бюро. Пришлось барабанить по стеклу, пока один из помощников шерифа не обратил на нее внимание. Водитель вернулся и выпустил ее, лицо его побагровело от стыда.

Полицейские поглядывали искоса, пока она шла к крыльцу, где стоял Крофорд. Один из них сказал:

– Здравсьте, мэм.

Она кивнула всем и улыбнулась несколько тускловато, не на полную мощность, надеясь, что правильно рассчитала количество ватт.

Она почти уже дошла до крыльца, когда один из молодых помощников шерифа, с новеньким обручальным кольцом на пальце, почесал подбородок и произнес:

– Она вовсе не такая уж красotka, а задается на всю катушку...

– Ну, знаешь, если она думает, что выгядит на все сто, я, черт возьми, готов с ней согласиться, – ответил ему второй. – Глазки, носик – все на месте, ну прям противогаз «Марк-пять».

– Да нет, мне больше по вкусу хороший арбуз, если из холодильничка, – высказался пожилой, обращаясь в основном к самому себе.

Крофорд уже разговаривал с заместителем шерифа, подтянутым, небольшого роста человеком; он носил очки в стальной оправе и башмаки без шнуровки с резинками по бокам – такие в каталогах зовутся «Ромео».

Они прошли в тускло освещенный коридор похоронного бюро, где тихонько жужжал автомат с кока-колой и вдоль стен стояли случайные и абсолютно неуместные предметы: ножная швейная машина, трехколесный велосипед, рулон искусственной травы и полосатый парусиновый тент, навёрнутый на шесты. На стене висел не менее абсурдный рисунок

сепией: святая Цецилия²³, опустившая руки на клавиши. Ее волосы, заплетенные в косу, венком обвивали голову, а на клавиши – неизвестно откуда, просто из воздуха – сыпались розы.

– Я высоко ценю вашу оперативность, шериф. Мы благодарны вам, что вы так быстро сообщили нам об этом, – сказал Крофорд.

Заместитель шерифа на эту удочку не попался.

– Это не мы. Вам звонил кто-то из окружной прокуратуры, – сказал он. – Я знаю, что шериф не звонил вам: шериф Перкинс сейчас находится в туристической поездке на Гавайях, вместе с супругой. Я сегодня беседовал с ним по телефону, в восемь часов утра – это три часа ночи по гавайскому времени. Он обещал связаться со мной позже, но успел сказать, что задача номер один – выяснить, из наших ли мест эта девушка. Бывает, знаете ли, что чужаки подкидывают нам своих. Мы этим займемся прежде всего остального. У нас уже было так – таскали труп за трупом, а они все аж из Феникс-Сити, из Алабамы.

– Тут мы вполне способны вам помочь, шериф. Если...

– Я связался по телефону с начальником оперативной службы Управления дорожной полиции штата в Чарльстоне. Он обещал прислать несколько человек из отдела расследования преступлений – сокращенно ОРП. Они сделают все,

²³ **Святая Цецилия** (ок. II в., Рим) – раннехристианская святая. Нелепость рисунка в том, что в ту эпоху не существовало клавишных инструментов.

что надо.

Коридор постепенно заполнялся полицейскими, аудитория у заместителя шерифа оказалась весьма обширной. Он продолжил:

– Мы займемся вами, как только сможем, и окажем всевозможное содействие, всевозможным образом поработаем вместе, но в данный момент...

– Шериф, это преступление на сексуальной почве имеет ряд аспектов, о которых мне хотелось бы поговорить с вами наедине, как мужчина с женщиной, вы меня понимаете? – сказал Крофорд, легким кивком головы указав на Старлинг.

Он потеснил малорослого коллегу, буквально втолкнув его в захламленный кабинет на противоположной стороне небольшого холла. Старлинг осталась, изо всех сил стараясь не показать, что ее задела болтовня полицейских. Сжав зубы, она рассматривала святую Цецилию и, пытаясь улыбаться в ответ на ее неземную улыбку, подслушивала происходящий за дверью разговор: он шел на повышенных тонах. Затем последовала беседа по телефону. В коридор они вышли очень скоро, и пяти минут не прошло. Выражение лица у заместителя шерифа было довольно кислое.

– Оскар, – сказал он, – походи в зал, вызови доктора Эйкина оттуда. Он вроде должен присутствовать на таких церемониях, но они, похоже, еще не начали. Скажи ему, Клакстон на линии.

Доктор Эйкин, коронер, явился в крохотный кабинет и

взял трубку. Он разговаривал с патологоанатомом из Клакстона, поставив ногу на стул и постукивая по передним зубам ручкой бумажного веера. В результате этой весьма краткой беседы он был полностью готов к сотрудничеству.

Вот так, в бальзамировочной, с обоями в розах, огромных, словно кочаны капусты, и лепным потолком, в белом каркасном доме – а такие дома она помнила с детства и понимала, – Клэрис Старлинг воочию увидела первое прямое свидетельство художеств Буффало Билла.

Единственным современным предметом в этой комнате был ярко-зеленый пластиковый мешок с плотно задернутой молнией, в котором доставили труп. Он лежал на старомодном бальзамировочном столе с фаянсовым верхом; стеклянные дверцы шкафов, хранящих троакары и бесчисленные упаковки с составом для промывания брюшной полости, многократно отражали белый фаянс стола.

Крофорд принес из машины аппарат для передачи отпечатков, пока Старлинг раскладывала свое оборудование на сушилке у огромной двойной раковины в углу.

В комнату набилось слишком много народу: заместитель шерифа, несколько помощников шерифа – все вошли вместе с ними и не собирались уходить. Это было неправильно.

«Почему Крофорд не выгнал их всех отсюда?»

Обои в комнате затрепетали и надулись от сквозняка: доктор включил огромную, старую, насквозь пропылившуюся вытяжку.

Клэрис Старлинг, стоя у раковины, почувствовала, что сейчас ей понадобится гораздо больше мужества, чем парашютисту, ожидающему команды прыгать. Ей сейчас нужен был пример из прошлого, воспоминание, которое помогло бы ей собрать всю свою волю. И такой образ возник в памяти, помогая ей и одновременно пронзая болью все ее существо.

Мать стоит у раковины, смывая кровь со шляпы отца, холодная вода из крана льется на шляпу; мать говорит: «Все обойдется, Клэрис. Пойди скажи сестре и братьям, пусть моют руки и садятся за стол. Нам нужно поговорить. Потом приготовим ужин».

Старлинг сняла шарф и повязала его вокруг головы, как это делают повитухи в горных селениях. Достала из чемоданчика пару хирургических перчаток. Когда она впервые за то время, что пробыла в Поттере, раскрыла рот, голос ее звенел гораздо больше обычного, так что Кроффорд подошел к двери и прислушался.

– Джентльмены! Джентльмены! Прошу вашего внимания. Пожалуйста, помолчите минутку. Послушайте. Дайте мне теперь позаботиться о ней. – Натягивая перчатки, Клэрис подняла руки так, что каждый из присутствовавших мог их увидеть. – Есть вещи, которые мы просто обязаны для нее сделать. Вы доставили ее сюда, и я уверена, ее родные были бы благодарны вам за это, если бы знали. А теперь, прошу вас, выйдите все отсюда и дайте мне самой позаботиться о ней.

Крофорд видел, как они все вдруг уважительно примолкли и стали подталкивать друг друга к двери, переговариваясь шепотом: «Пошли, Джесс, выйдем во двор».

И Крофорд понял: настроение резко изменилось, ведь здесь лежала усопшая. И где бы ни родилась она, кем бы ни была, река принесла ее сюда, к ним, и пока она, беспомощная, лежит тут, в этой комнате, в этом доме, в этом городишке, Клэрис Старлинг вступает с ней в особые отношения. Крофорд понял, что здесь, в этой глухомани, Старлинг оказалась наследницей старух-ведуний, травниц, мудрых и стойких сельских женщин, которые из века в век делали все, что нужно, были хранительницами жизни, а когда жизнь подходила к концу, обмывали и обряжали усопших.

Комната опустела, остались только Крофорд, Старлинг и доктор. И – труп. Доктор Эйкин и Старлинг переглянулись, как бы узнавая друг друга; оба испытывали странное смущение, смешанное с не менее странным чувством удовольствия от встречи.

Крофорд достал из кармана баночку с какой-то пахучей мазью и предложил обоим. Старлинг подождала, посмотрела, что предпримут доктор и Крофорд, и, когда тот и другой принялись втирать мазь в края ноздрей, последовала их примеру.

Она извлекала фотоаппарат из сумки, лежавшей на сушилке у раковины, стоя спиной к столу, когда услышала, как на мешке с телом жертвы расстегивают молнию. Уставив-

шись на огромные розы на обоях, она несколько раз закрыла и открыла глаза, набрала в легкие побольше воздуха, выдохнула, повернулась и посмотрела на мертвое тело на столе.

– Им надо было надеть бумажные мешки ей на руки, – сказала она. – Я так и сделаю, когда мы закончим.

Очень осторожно, не доверяя автоматическому экспонометру, каждый раз устанавливая экспозицию вручную, Клэрис принялась фотографировать труп.

Убитая была молодой женщиной, широкобедрой, ростом около 168 сантиметров, как показали сделанные Старлинг обмеры. Часть тела, с которой была снята кожа, от пребывания в воде стала серой, но погода стояла холодная, и тело пробыло в воде явно не очень долго, всего несколько дней. Кожа была снята с трупа очень аккуратно; верхняя линия надреза проходила прямо под грудью, нижняя – у колен; ободрана была та часть тела, которую могли бы скрыть штаны и широкий пояс тореро.

Груды небольшие, и на груди между ними – очевидная причина смерти: рваная рана в форме звезды шириной с ладонь. Голова круглая, кожа снята с черепа от бровей и верхнего края ушей до шеи ниже затылка.

– Доктор Лектер говорил, что он начнет снимать скальпы, – сказала Старлинг.

Крофорд стоял, сложив на груди руки, пока она фотографировала.

– Сделайте снимки ушей, – только и сказал он в ответ.

Потом обошел вокруг стола, прикусив губу. Старлинг стянула одну перчатку и провела пальцем по голени убитой. Кусок леси с тройными крючками – от рыболовных снастей, в которых запуталось тело и которые не дали быстрому течению унести его дальше, вниз по реке, – все еще обвивал ногу у самой ступни.

– Что вы видите, Старлинг?

– Ну, она не из этих мест: уши у нее проколоты в трех местах, на ногтях – остатки лака с блестками. Похожа на городскую. Волосы на ногах удаляла недели две тому назад. Видите, они довольно мягкие и плотно прижаты к коже. Я думаю, она натирала ноги специальным кремом для удаления волос. И подмышки. Пушок над верхней губой обесцвечен перекистью. Она очень следила за своей внешностью, но некоторое время у нее такой возможности не было.

– Что скажете о ране?

– Не знаю, – ответила Старлинг. – Я бы сказала, это выходное отверстие сквозной стреляной раны, только вот здесь, сверху, вроде бы ссадина или ожог, похоже на след дула.

– Отлично, Старлинг. Это контактное входное отверстие стреляной раны над грудиной. Газы, образующиеся при выстреле, расширяются между кожей и костью и разрывают кожу, вокруг пулевого отверстия образуется рана в форме звезды.

По ту сторону стены захрипел орган: в ритуальном зале началась служба.

– Насильственная смерть, – внес свою лепту доктор Эйкин и кивнул в сторону зала: – Я должен присутствовать хотя бы на части церемонии. Семья усопшего всегда рассчитывает, что я пройду с ним часть последнего пути. Ламар придет помочь вам, как только отыграет музыкальное сопровождение. Напоминаю: вы обещали сохранить достаточно улик для патологоанатома из Клакстона, мистер Крофорд.

– У нее на левой руке сорваны два ногтя, – продолжила Старлинг, когда доктор ушел. – Они обломаны по направлению вверх, до самого мяса, а под другими – грязь или какие-то твердые частицы. Можно взять немного как вещественное доказательство? На анализ?

– Возьмите образцы грязи и твердых частиц и соскоб лака с ногтей, – ответил Крофорд. – А им скажем, когда получим результаты.

Ламар, высокий и тощий органист и бальзамировщик похоронного бюро – на носу и щеках у него цвели розы от слишком частых возлияний, – вошел, как раз когда Старлинг выполняла указания шефа.

– Вы небось маникюршей раньше были, а? – спросил Ламар.

Они с облегчением отметили, что у погибшей не было следов ногтей на ладонях, – еще одно свидетельство того, что, как и другие до нее, она умерла прежде, чем преступник совершил все остальное.

– Вы считаете, ее нужно положить лицом вниз, чтобы сни-

мать отпечатки, Старлинг? – спросил Крофорд.

– Так будет легче.

– Тогда сначала посмотрим зубы, а после Ламар поможет нам ее перевернуть.

– Только снимки или тест-карту тоже?

Старлинг присоединила к фотокамере устройство для фотографирования зубов, порадовавшись в душе, что все необходимое оказалось на месте.

– Только снимки. Без рентгена карта может ввести в заблуждение. А снимки помогут нам исключить парочку-другую пропавших женщин.

Гибкие пальцы органиста удивительно мягко и осторожно раскрыли молодой женщине рот, точно следуя указаниям Старлинг, и оттянули губы, когда Старлинг приблизила к ее лицу камеру, чтобы крупным планом снять передние зубы. Это было не так уж трудно, но ведь еще надо сфотографировать коренные, с небным рефлектором, следя сбоку, по отсвету через щеку, чтобы стробоскоп, окаймлявший объектив, освещал полость рта. Она сама никогда этим не занималась, только видела, как показывали на занятиях.

Старлинг посмотрела, как «Поляроид» проявляет снимок, увеличила диафрагму и сделала новый. На этот раз получилось гораздо лучше. Просто очень хорошо.

– У нее что-то застряло в горле, – сказала Старлинг.

Крофорд взглянул на снимок. Сразу за мягким небом был четко виден темный цилиндрический предмет.

– Дайте мне фонарь.

– Когда труп из воды достают, у него во рту часто находят чего-нибудь... ну, там листья и всякое такое, – сказал Ламар, помогая Кроффорду заглянуть в горло убитой.

Старлинг достала из сумки хирургический пинцет. Взглянула на Кроффорда – он стоял по ту сторону стола. Кроффорд кивнул. Всего секунда – и странный предмет был извлечен на свет божий.

– Что это – стручок? – спросил Кроффорд.

– Ну нет, сэр, это кокон – жучиный или еще какой, – сказал Ламар.

Он оказался прав. Старлинг опустила кокон в банку.

– Может, надо, чтоб агент из округа тоже посмотрел на эту штуку? – сказал Ламар.

Снять отпечатки не составило труда – ведь женщина лежала теперь ничком, а Старлинг была готова к самому худшему. Однако ей не пришлось прибегать ни к одному из наиболее тонких и трудоемких методов, требующих инъекций и специальных напальчников. Она снимала отпечатки пальцев на карточки, вставленные в специальное устройство, формой напоминавшее обувной рожок. Кроме того, Клэрис сняла и несколько отпечатков ступней на всякий случай – вдруг сохранились только отпечатки младенческих ступней, снятые еще в роддоме.

Высоко на плечах обнаружили два участка срезанной кожи в форме треугольника. Старлинг снова сделала сним-

ки.

– Сделайте обмеры, – сказал Крофорд. – Он порезал спину девушке из Экрона, когда снимал с нее одежду; это был совсем неглубокий порез, царапина, но он полностью совпал с разрезом, сделанным на ее блузке, когда у дороги нашли одежду убитой. А треугольники – это что-то новое. Я такого еще не видел.

– У нее на щиколотке сзади что-то вроде ожога, – заметила Старлинг.

– У пожилых такое часто бывает, – сказал Ламар.

– Что? – спросил Крофорд.

– Я СКАЗАЛ: У ПОЖИЛЫХ ТАКОЕ ЧАСТО БЫВАЕТ.

– Да я вас прекрасно слышу. Я просто хотел, чтобы вы объяснили. Что такое бывает у пожилых?

– Ну, пожилые, бывает, умирают с электрогрелкой и обжигаются. Если помрешь с грелкой, обязательно обожжешься, даже если она не очень горячая. Горишь под ней, коли ты помер. Кровь-то не циркулирует.

– Мы попросим патологоанатома в Клакстоне сделать анализы и посмотрим, посмертный ожог или нет.

– Похоже, глушитель.

– Что?

– ГЛУШИТЕЛЬ АВТОМ... глушитель автомашины. Тут как-то Билли Петри застрелили насмерть и засунули его в багажник, да? В его же собственный. А жена на этой машине двое или трое суток все ездила – мужа искала. Когда его

сюда принесли, глушитель-то был горячий под багажником и обжег его, вот так же точно, только у него было на бедре, – объяснил Ламар. – Я продукты в багажник и не кладу никогда, потому мороженое там тает.

– Это замечательная мысль, Ламар. Жалко, вы у меня не работаете, – сказал Крофорд. – А вы знаете тех ребят, что ее в реке нашли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.